

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Филология»

Образовательная программа

«Отечественная филология (Русский язык и литература)»

Серова Анастасия Руслановна

СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ
«МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА» Н. М. КАРАМЗИНА

Выпускная квалификационная работа

бакалавра

Научные руководители:

д. ф. н. проф. Бухаркин Пётр Евгеньевич,
к. ф. н. доц. Матвеев Евгений Михайлович

Рецензент:

к. ф. н. доц. Тираспольская Анна Юрьевна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

О Николае Михайловиче Карамзине обычно говорят как о важнейшей фигуре в истории русской литературы. Однако достаточно сложно определить, какая из сфер его творческой деятельности является в наибольшей степени значимой, это один из тех писателей, чьи интересы охватили все стороны литературного процесса. Карамзин был и успешным издателем журналов, и талантливым прозаиком, а также поэтом, литературным критиком, переводчиком, историком.

В настоящей работе рассматривается издательская сторона деятельности Н. М. Карамзина. В частности, мы обратимся к такому важному этапу его творчества, как «Московский журнал» (1791–1792). Именно с этим периодическим изданием обычно связывается вступление писателя в «большую» литературу. Интерес к «Московскому журналу» в своих работах проявляли многие исследователи, однако нельзя говорить о его всесторонней изученности. К первому журналу Карамзина учёные в основном обращаются в контексте всего творчества писателя, при этом издание редко становится отдельным предметом исследования, чем, в частности, объясняется актуальность данной работы.

В центре нашего внимания находится структура «Московского журнала», при обращении к ней можно заметить, что большинство текстов издания принадлежит руке самого писателя: здесь он печатал свою оригинальную прозу, критику, а также переводы. На общем фоне особенно выделяется один раздел журнала – стихотворный, значительную его часть составляют не произведения Карамзина, а произведения других писателей: Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, М. М. Хераскова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого и др. Существует мнение, что природа стихотворного раздела вносит в общую структуру «Московского журнала» хаотичность и неорганизованность¹. Так ли это? Нам настоящая проблема кажется далеко не

---

¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 503.

решенной, поэтому мы попытаемся рассмотреть её в работе более основательно.

Таким образом, **объектом** настоящего исследования (в широком понимании) становится «Московский журнал» Н. М. Карамзина, в более узком – стихотворный раздел издания.

Предметом исследования, с одной стороны, является структура «Московского журнала», а с другой, комплекс тех издательских методов, которые позволяют придать стихотворной части издания единый, целостный характер.

Цель работы – выяснить, в чем эти методы заключаются, и показать их реализацию Карамзиным; также необходимо ответить на вопрос о роли стихотворного раздела в общей структуре «Московского журнала».

Основные **задачи** можно сформулировать следующим образом, мы собираемся:

- рассмотреть стихотворные произведения отдельных выпусков журнала в качестве целостных структур (стихотворных подборок), проанализировать входящие в них тексты;
- выявить общие закономерности построения стихотворных подборок;
- ответить на вопрос, как в рамках стихотворного раздела выражается организующее «авторское начало».

Исследование композиционно делится на три части. В первой главе работы представлен обзор литературы, охарактеризована структура «Московского журнала» и, исходя из этого, выявлены ключевые особенности издания, говорится о новаторстве Карамзина-журналиста, поставлен вопрос о возможном влиянии на издание писателя европейских аналогов.

Вторая глава исследования непосредственно посвящена стихотворным произведениям в структуре «Московского журнала», она состоит из двух частей. В первой части говорится об общих закономерностях стихотворного раздела, основное внимание здесь уделено следующим аспектам: место стихотворного раздела в издании, его авторский состав, особенности

подписей (криптонимов), особенности издательских примечаний к стихотворным текстам, их роль. Во второй части данной главы мы обращаемся к композиции стихотворного раздела: анализируются стихотворные подборки первого и последнего выпусков журнала, нам интересно расположение текстов внутри раздела, наличие повторяющихся тем и мотивов; в зависимости от места стихотворных произведений весь корпус поэтических текстов «Московского журнала» разбивается нами на определенные группы, анализируется их соотношение друг с другом, делаются общие выводы о структуре стихотворного раздела издания.

В третьей главе исследования говорится о поэтическом вкладе самого Карамзина в свой журнал. В ней мы затрагиваем проблему изучения стихотворного аспекта творчества писателя, обращаемся к тем поэтическим текстам, которые он опубликовал «Московском журнале», делается попытка их классификации на группы.

Для удобства и наглядности в приложении помещена таблица всех стихотворных произведений, напечатанных в «Московском журнале». Данная таблица разбита в соответствии с частями издания. Для каждого отдельного выпуска приводятся:

- названия опубликованных в журнале стихотворений в той форме, в которой они непосредственно даны в нём;
- использованные в журнале криптонимы;
- их реальные авторы, где это возможно указать.

Глава 1. О «Московском журнале» в работах исследователей. Структура и особенности издания

Творческая биография Н. М. Карамзина чрезвычайно насыщена. Значительную часть своей литературной деятельности писатель посвятил издательским, редакторским и переводческим занятиям. С именем Карамзина связаны такие издания, как:

- «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789)
- «Московский журнал» (1791-1792)
- «Аглая» (1794, 1795)
- «Московские ведомости» (1795)
- «Аониды» (1796, 1797, 1799)
- «Пантеон иностранной словесности» (1798)
- «Вестник Европы» (1802-1803)

В настоящей работе будет рассмотрен самый первый серьёзный издательский опыт Карамзина – «Московский журнал». Значимость этого журнала для всего творчества писателя нельзя недооценивать, именно он стал отправной точкой, с которой Карамзин начал свою самостоятельную литературную деятельность, завоевал широкое читательское признание, несмотря на тот факт, что многие современники сочли независимость молодого автора весьма эксцентричной². Издание также знаменито тем, что в нём Карамзин опубликовал свои наиболее известные сочинения: «Письма русского путешественника», повести «Лиодор», «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», а также поэтические произведения.

Поэтому неслучайно то, что первый журнал Карамзина привлек к себе пристальное внимание исследователей. О важности изучения этого издания в одной из своих работ говорит Г. П. Макогоненко, по его мнению, содержание «Московского журнала» может сказать многое о взглядах Карамзина,

---

² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 214.

сложившихся с начала его литературной деятельности и до 1793 года³. Однако, прежде чем обращаться к непосредственному анализу материалов карамзинского журнала, кратко рассмотрим историю его научного изучения.

Литературоведение обратилось к «Московскому журналу» уже в XIX веке. Информацию о первом издании Карамзина можно найти в различных исследовательских работах, посвященных изучению творчества Карамзина в целом⁴, отдельных работ этого периода о «Московском журнале» мы найти не можем. Сразу стоит отметить, что подобная форма освещения издания остаётся наиболее популярной и до настоящего времени, «Московский журнал» редко становится объектом отдельного исследования. Более подробно мы остановимся лишь на двух работах этого периода – Я. К. Грота и М. Н. Погодина, так как в них представлены для того времени наиболее подробные и обстоятельные разборы первого журнала Карамзина.

Уже Я. К. Грот в своем очерке говорит, что с «Московским журналом» в творчестве Карамзина начинается новый этап – до издания журнала деятельность писателя ученый называет «ученической»: Карамзин в это время занимался в основном переводами; после же своего возвращения из путешествия по Европе в 1790 году взгляды писателя на литературу и язык сильно изменились – они приобрели самостоятельность и вместе с этим новизну⁵. Отмечает Грот и то, что благодаря изданию Карамзина русская читающая публика смогла ближе познакомиться с современной европейской литературой, исследователь довольно подробно перечисляет основных зарубежных авторов, на чьи произведения Карамзин обращал своё внимание

---

³ *Макогоненко Г. П.* Николай Карамзин – писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Л., 1984. С. 14.

⁴ См.: 1) *Булич Н. Н.* Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. Казань, 1866. С. 37-143; 2) *Бестужев-Рюмин К. Н.* Карамзин Н. М. // Русский биографический словарь А. А. Половцова. Т. 8. СПб., 1896. С. 500-514.; 3) *Грот Я. К.* Труды Я. К. Грота. Очерки из истории русской литературы (1848-1893). Т. 3. СПб., 1901. С. 128-134.; 4) *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Т. 1. М., 1866. С. 168-215.; 5) *Соловьев Е. Н.* Карамзин: Его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб., 1894. 80 с.

⁵ *Грот Я. К.* Труды Я. К. Грота. Очерки из истории русской литературы (1848-1893). Т. 3. СПб., 1901. С. 126.

(Мармонтель, Флориан, Гарве, Мориц, Стерн и др.). Соединение на страницах одного издания европейских и русских авторов, а также поэзии, прозы, критики и анекдотов, которые мы найдем в разделе журнала «смесь», составляет, по мнению Грота, главный издательский принцип Карамзина – стремление к разнообразию материалов и их занимательности⁶. Исследователь также комментирует разделы журнала, более подробно он останавливается на его критической части. Описывая структуру журнала в целом, Грот приходит к выводу что в «Московском журнале» не было чётко выделенных отделов, однако был порядок – сначала печатались стихотворения, затем следовали изящная проза, анекдоты и критика.

Соглашаясь с мнением исследователя по большинству пунктов его обзора, мы не можем не заметить, что отделы в журнале, хоть и не всегда строго выдерживаются издателем, но всё же явно прослеживаются, их перечень Карамзин представил ещё в своем объявлении «Об издании “Московского журнала”», опубликованном им в 1791 г. в «Московских ведомостях»:

«С января будущего 91 года намерен я издавать журнал, если почтенная публика одобрит мое намерение. Содержание сего журнала будут составлять:

- 1) *Русские сочинения в стихах и прозе*, такие которые, по моему уверению, могут доставить удовольствие читателям. Первый наш поэт -- нужно ли именовать его? -- обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей музыки. Кто не узнает певца мудрой Фелицы? Я получил от него некоторые новые песни. И другие поэты, известные почтенной публике, сообщили и будут сообщать мне свои сочинения. Один приятель мой, который из любопытства путешествовал по разным землям Европы, -- который внимание свое посвящал натуре и человеку, преимущественно пред всем прочим, и записывал то, что видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал, -- намерен записки свои предложить почтенной публике в моем журнале, надеясь, что в них найдется что-нибудь занимательное для читателей.

---

⁶ Там же. С. 129.

- 2) *Разные небольшие иностранные сочинения*, в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов, с известиями о новых важных книгах, выходящих на сих языках. Сии известия могут быть приятны для тех, которые упражняются в чтении иностранных книг и в переводах.
- 3) *Критические рассматривания русских книг*, вышедших, и тех, которые вперед выходить будут, а особливо оригинальных; переводы, недостойные внимания публики из сего исключаются. Хорошее и худое замечается будет беспристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма немногие книги были у нас надлежащим образом критикованы.
- 4) *Известия о театральных пьесах*, представляемых на здешнем театре, с замечаниями на игру актеров.
- 5) *Описания разных происшествий*, по чему-нибудь достойных примечания, и разные анекдоты, а особливо из жизни славных новых писателей.

Вот мой план. Почтенной публике остается его одобрить или не одобрить; мне же в первом случае исполнить, а во втором молчать... »⁷.

Из этого текста видно, что Карамзин не просто оглашает публике содержание своего будущего издания, но также предлагает и некий план, который собирается осуществить. Причем, характер данного плана нельзя назвать хаотически выстроенным, расположение материалов кажется чрезвычайно логичным: открывают журнал наиболее ценные для издателя произведения – сочинения отечественных авторов, затем следуют переводы, а после «окололитературные» явления – критика и анекдоты. Заявленная последовательность иногда нарушалась Карамзиным, однако, отступления не кажутся нам настолько существенными, и наличие порядка, которое Я. К. Грот всё же отмечает, говорит в пользу того, что отделы в «Московском журнале» выделить можно.

---

⁷ Карамзин Н. М. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 6–7.

Похожую оценку деятельности Карамзина времен выпуска его первого журнала можно найти и в работе М. Н. Погодина. Как и Грот, исследователь отмечает занимательность издания для читателя, а также тонкий литературный вкус Карамзина, его умение пользоваться иностранными источниками. По мнению Погодина, «Московский журнал» важен не только в контексте жизни и творчества самого Карамзина, но и в контексте всей истории русской литературы и журналистики, первую книжку издания исследователь даже называет «прародительницей всех нынешних журналов»⁸. Останавливает он своё внимание и на содержании отдельных выпусков: его привлекает критический раздел журнала, стихотворный раздел, а также знаменитые «Письма русского путешественника», которые Погодин называет основанием всего издания⁹. Несмотря на то, что разговору о «Московском журнале» исследователь решает отвести почти целую главу своей работы, анализ издания занимает лишь небольшую её часть: слишком много у него объемных выписок из журнала, обзор издания в основном составлен при помощи цитат из него. Заметно и то, что Погодина больше интересует личность автора, его душевное состояние, биография, письма, в меньшей степени - художественные особенности «Московского журнала».

На примере вышеприведенных работ мы можем убедиться в том, что интерес к первому журналу Карамзина в литературоведении появился весьма рано. Исследователям XIX века было ясно, что с этого периодического издания начался новый этап как в творчестве писателя, так и в русской литературе. Уже тогда была высказана мысль о необходимости более тщательного рассмотрения журнала Карамзина. Конечно, в работах этого периода представлены в основном ознакомительные сведения о «Московском журнале», справочно-энциклопедические по своему характеру. Ученые заостряли своё внимание на наиболее общих и очевидных закономерностях

---

⁸ Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Т. 1. М., 1866. С. 173.

⁹ Там же. С. 173-187.

издания, попутно рассматривая оригинальные произведения автора, напечатанные там, и, таким образом, не делая «Московский журнал» полноценным предметом исследования. Отчасти это объясняется биографической природой данных работ, которая позволяет сделать лишь сравнительно небольшой обзор первого журнала Карамзина рамках всего его творчества.

Литературоведение XX и XXI веков продолжило говорить о журнальной деятельности Карамзина в контексте общей эволюции его творчества¹⁰, однако, появились и более узконаправленные исследования, непосредственно посвященные «Московскому журналу». В частности, сведения об этом периоде издательской деятельности писателя можно найти в трудах по истории русской критики¹¹ и журналистики¹².

В связи с нашей темой особое внимание заслуживает работа П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века», в этой книге учёный представил обзор нескольких изданий Карамзина, в том числе и «Московского журнала». Довольно подробно исследователь останавливается на вышеприведенном нами объявлении «Об издании...». Говоря о сходстве этого текста с другими примерами подобного жанра, Берков отмечает четкое выделение Карамзиным пяти отделов, однако, по мнению исследователя, данное явление еще не является новаторством. Что же касается неоспоримых нововведений писателя, исследователь отмечает наличие в «Московском журнале» регулярного критического отдела. При этом ученый поясняет, что само по себе явление критики не было чем-то новым в отечественной журналистике того периода (достаточно вспомнить такие издания, как

---

¹⁰ См.: 1) *Берков П. Н., Макогоненко Г. П.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. С. 21-30; 2) *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 363-366.; 3) *Кочеткова Н. Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 746-765; 4) *Кочеткова Н. Д.* Н. М. Карамзин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 32-43. 5) *Муравьев В. Б.* Николай Карамзин. М. 2005. С. 230-250.

¹¹ См.: 1) *Кулешов В. И.* История русской критики XVIII-XIX веков. М., 1792. С. 25-26; 2) *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики: Жанры, композиция, стиль. Л., 1980. С. 44-48; 3) *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 17-33.

¹² См.: 1) *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л. 1952. С. 496-532; 2) *Западов А. В.* Русская журналистика XVIII в. М., 1964. С. 207-216.

«Ежемесячные сочинения», «Санкт-Петербургский вестник», «Пустомеля»)¹³. Однако ни в каком из этих изданий, по замечанию исследователя, данный раздел не был постоянным, в то время как в «Московском журнале» Карамзина критика становится регулярной. Второе важное нововведение Карамзина, которое отмечает Берков, - это включение писателем в состав своего журнала совершенно нового для русской журналистики отдела, так называемой «Смеси». Обращает своё внимание Берков и на игнорирование Карамзиным в «Московском журнале» политической тематики. Исследователь связывает эту осторожность, во-первых, с усилившимися в то время преследованиями масонов, а во-вторых, с радищевской катастрофой¹⁴.

По предположению Беркова, успех «Московского журнала» во многом был обязан увлекательному и «трогательному» характеру его материалов: «Тогдашних читателей поражало, что произведения Карамзина, независимо от идейной и психологической стороны, вызывали живейший интерес своим сюжетом. До Карамзина этого в русской журналистике и в русской литературе вообще не было»¹⁵. Подводя итог издательской деятельности Карамзина начала 90-х гг., исследователь отмечает ведущую роль «Московского журнала» в формировании сентиментального направления в русской литературе и журналистике. Берков указывает на то, что издание породило не только поклонников, но и каком-то смысле подражателей, к журналам, которые продолжили сентиментальное направление «Московского журнала» ученый относит такие издания, как «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1792-1793) и «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1798) В. С. Подшивалова, в которых печатались и бывшие

---

¹³ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л. 1952. С. 500.

¹⁴ Там же. С. 501.

¹⁵ Там же. С. 530.

«сотрудники» «Московского журнала» - Ю. А. Нелединский-Мелецкий и Ф. П. Львов¹⁶.

Помимо объемных трудов по истории русской литературы, мы можем также найти исследования, в которых внимание ученых всецело сосредотачивается на отдельных аспектах уже самого «Московского журнала». Появились отдельные статьи, разрабатывающие проблему критической деятельности Карамзина этого периода¹⁷, некоторые исследователи сосредоточили своё внимание на художественных текстах и переводах «Московского журнала»¹⁸, на его сотрудниках¹⁹, и, конечно же, можно найти небольшое количество работ, рассматривающих своеобразие самого издания²⁰.

Наш особый интерес вызывают исследования, где на «Московский журнал» пытаются посмотреть как на единый художественный текст. Сюда мы можем отнести, в первую очередь, диссертацию О. М. Гончаровой «Творческая деятельность Н. М. Карамзина 1790-х годов» и книгу Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина».

В данных работах звучат несколько весьма схожих утверждений. Говоря о природе «Московского журнала», оба исследователя признают его

---

¹⁶ Там же. С. 531.

¹⁷ См.: 1) *Альхова А. В.* Театральные рецензии Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // Филологические этюды. Вып. 16. Кн. 1. Саратов, 2013. С. 261-267; 2) *Валуев В. С.* О литературной критике Н. М. Карамзина // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. №5. М., 1990. С. 20-26; 3) *Грамова Т. Ю.* Литературно-критические концепции Н. М. Карамзина // Гуманитарные исследования. № 4. Астрахань, 2009. С. 150-153; 4) *Куляпин А.И.* Жанрово-стилевая природа критики Н. М. Карамзина // Проблемы метода и жанра. Вып. 15. Томск, 1989. С. 58-70 и др.

¹⁸ См.: 1) *Иванов П. И.* Н. М. Карамзин о К. Ф. Морице на страницах «Московского журнала» // Московский журнал. № 8. М., 1995. С. 2-5; 2) *Марченко Н. А.* «Письма русского путешественника» в структуре «Московского журнала» Н. М. Карамзина // История литературы и художественное восприятие. Тверь, 1991. С. 94-101.

¹⁹ См.: 1) *Кочеткова Н. Д.* Херасков в «Московском журнале» Карамзина // Русская литература. № 4. СПб., 2006. С. 161-165; 2) *Ратникова О. Е.* Г. Р. Державин в первой части «Московского журнала» // Фундаментальные и прикладные исследования: новое слово в науке. М., 2016. С. 132-141.

²⁰ См.: 1) *Гончарова О. М.* Творческая деятельность Н. М. Карамзина 1790-х годов: дис... канд. филол. наук. Л., 1986; 2) *Кочеткова Н. Д.* Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 162-182; 3) *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 228-241.; 4) *Орлов П. А.* Литературная программа «Московского журнала» Карамзина // Научные доклады высшей школы. Сер. Филол. науки. № 2. М., 1966. С. 136-146; 5) *Пирожкова Т. Ф.* Н. М. Карамзин - издатель «Московского журнала» (1791-1792). М., 1978.

глубокую двойственность. Ю. М. Лотман связывает эту особенность с многозначностью самого слова «журнал» во французском языке. Ученый говорит, что с одной стороны, данное понятие имеет семантику «ежедневных записей» или же «дневника», а с другой, слово «журнал» означает определенный вид периодического издания, газету. Таким образом, по мнению исследователя, издание Карамзина объединят в себе оба этих смысла: во-первых, «Московский журнал» может восприниматься как московский дневник писателя, а, во-вторых, со своей явной ориентацией на читателя, как полноценное периодическое издание²¹.

Еще одна важная мысль Лотмана заключается в том, что по своей организации «Московский журнал», состоящий в большинстве своем из произведений Карамзина, есть не что иное, как монолог издателя, где «чужие» тексты воспринимаются или как несобственно-прямая речь, или как отсылки к другому мнению²². Это утверждение для нас очень важно, так как рассматриваемый в настоящей работе стихотворный раздел издания состоит как из произведений самого Карамзина (в меньшей части), так и из текстов других авторов. Таким образом, стихотворный раздел «Московского журнала» имеет ту самую диалогическую природу, о которой говорит Лотман.

Более подробно схожие мысли в своей диссертации развернула О. М. Гончарова. Исследовательница пытается рассмотреть издания Карамзина 90-х гг. как особого типа жанрового образования. Она считает, что в обозначенный период писатель был озадачен поиском новой литературно-художественной формы, основной особенностью которой должен был стать синкретизм различных элементов. Это позволило бы писателю, по мнению Гончаровой, создать текст более универсального характера, а самому предстать одновременно в самых разных амплуа: в качестве издателя, автора,

---

²¹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 230.

²² Там же. С. 231.

критика и переводчика²³. Результатом подобных стремлений, по мысли исследовательницы, стал «Московский журнал», а также другие издания писателя тех лет.

Аргументируя свою точку зрения, Гончарова ссылается на опыт Карамзина в «Письмах русского путешественника». Это произведение, по её мнению, не только отразило актуальную для писателя проблему поиска синкретичной формы, но также стало программным для «Московского журнала»²⁴. В «Письмах...» исследовательница выделяет три сюжетные линии:

1. «литературную» – так создаётся «история» путешественника;
2. «информативную» – отвечает созданию на страницах «Писем...» образа действительности, современного европейского мира;
3. «авторскую» – главный, смыслопорождающий элемент текста.

Опираясь на взаимосвязь между «Московским журналом» и «Письмами...», Гончарова пытается применить обозначенную трехчастную структуру и при анализе первого издания Карамзина. Так, например, «информативная» линия, по мнению исследовательницы, воплотилась в «Московском журнале» через старание издателя представить русскому читателю словесную европейскую культуру при помощи переводов из западных журналов; «авторская» линия проявилась через особую организующую точку зрения издателя, которая, по мысли исследовательницы, стремится объединить все публикации в единый текст. Журнал, обогащённый сложными внутритекстовыми связями, в свою очередь, не может не обладать «литературным» сюжетом: Гончарова считает, что по изданию можно проследить личную биографию автора, в которой он предстаёт литератором и путешественником.

---

²³ Гончарова О. М. Творческая деятельность Н. М. Карамзина 1790-х годов: дис... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 10.

²⁴ Там же. С. 11.

В контексте нашей работы исследование О. М. Гончаровой, как и вообще проблема рассмотрения «Московского журнала» в качестве единого текста, становятся очень важными. По нашему мнению, материалы издания интересны не только сами по себе, необходимо также учитывать их расположение и соотнесенность друг с другом. Хотя в настоящем исследовании изучается сравнительно небольшая часть журнала – стихотворный раздел, мы тоже стремимся рассмотреть «Московский журнал» Карамзина как нечто, обладающее общим организующим началом в виде интенций автора-издателя и явными внутритекстовыми связями.

Подводя итог историографической части нашей работы, мы хотим заметить, что изучение «Московского журнала» Карамзина в литературоведении отчетливо эволюционирует со временем: в XIX веке о первом издании Карамзина, хоть и говорилось как о важной вехе в истории русской литературы, однако, попытки более детального изучения этого журнала не предпринимались; XX век отчасти продолжил эту тенденцию, а отчасти развил её – в науке стали появляться более узконаправленные статьи, посвященные разным аспектам «Московского журнала» (но об издании также упоминается в общих трудах по истории русской литературы и критики); и, наконец, третьим этапом развития данной темой стала попытка рассмотрения журнала в качестве текста, имеющего черты единого литературного произведения. К сожалению, этот последний ракурс остался наименее востребованным.

Еще одна проблема, которая встаёт перед исследователями «Московского журнала», заключается в определении степени влияния на издание Карамзина иностранного «слова», европейских литературных традиций. Очень часто мы встречаем мнение, что издание было преисполнено желанием писателя познакомить русскую читающую публику с западным литературным и культурным процессом²⁵. Идея эта сразу же

---

²⁵ Гончарова О. М. Творческая деятельность Н. М. Карамзина 1790-х годов: дис... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 8.

находит свое подтверждение при обращении к первому выпуску журнала, где Карамзин в своем «Предуведомлении» пишет: «Множество иностранных Журналов лежит у меня перед глазами; ни одного из них не возьму я за точный образец, но всеми буду пользоваться»²⁶. Таким образом, можно установить, что издание Карамзина в своей основе имело различные иноязычные источники, причем, сам издатель не отрицает этого и даже считает необходимым сообщить данный факт своему читателю. Стоит оговориться, что в настоящий момент мы не располагаем точной информацией о том, как соотносится издание в Карамзина с его аналогами, так как это требует очень большой и тщательной текстологической работы. Тем не менее, у нас нет оснований не согласиться с мнением о том, что «Московский журнал» не являлся простым копированием европейских журналов. Так, П. Н. Берков полагал, что Карамзин использовал в основном организационный опыт западной журналистики, тщательно подходя к отбору материалов для своего издания и приспособлявая их к вкусам и нуждам русскоязычного читателя²⁷.

Традиции европейской журналистики во многом повлияли на структуру журнала Карамзина. Мы уже говорили, что строение «Московского журнала» по сравнению с другими периодическими изданиями конца XVIII века достаточно оригинально. Несомненным новаторством выглядит появление нового раздела, который сначала в объявлении «Об издании...» именовался «Описанием разных происшествий, по чему-нибудь достойных примечания, и разными анекдотами...», а потом стал называться просто «Смесью». Само понятие «Смесь» появилось лишь в четвертом выпуске «Московского журнала» с примечанием: «Под сим титулом Издатель будет сообщать разные анекдоты, из иностранных журналов. - К.»²⁸. Часто Карамзин называл

---

²⁶ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Вып. 1. С. 5.

²⁷ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л. 1952. С. 505.

²⁸ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып. 4. С. 56.

источники, которыми пользовался, например: «British Mercury», «Психологический магазин» Карла Филиппа Морица, «Mercure de France».

Тексты раздела «Смесь» имеют в основном переводной характер, «анекдоты» из современной русской жизни Карамзиным на страницах журнала не приводятся. По своей природе данные произведения могут быть довольно обширными и напоминать, скорее, целую новеллу. Таков, например, «анекдот» «Самоубийца», опубликованный в первом выпуске «Московского журнала». Иногда «Смесь» может включать несколько коротких историй развлекательного характера, тоже переведенных издателем из различных журналов.

Мы думаем, что введение Карамзиным в свой журнал постоянного критического отдела также не обошлось без влияния европейской журналистики; об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в разделах критики мы можем увидеть переводы из иностранных изданий. Таким образом, на решение Карамзина сделать в журнале постоянный критический раздел могло повлиять наличие этой части в аналогах. Однако, в отличие от «Смеси», в критической части «Московского журнала» основная масса материалов имеет не переводной, а оригинальный характер. Переводы критических статей из европейских журналов мы встречаем довольно редко, основная масса текстов этого типа принадлежит руке самого издателя. И с этой точки зрения, появление в журнале критического отдела становится куда более ценным, чем введение «Смеси». Существует мнение, что именно благодаря Карамзину критика стала считаться самостоятельным видом литературной деятельности. Более того, Карамзин расширил значение этого понятия: если раньше критика воспринималась скорее как негативная оценка или ответ своему литературному оппоненту, то с появлением критических рецензий в «Московском журнале» понятие критики приобрело характер

анализа литературного произведения, эстетической оценки его содержания и художественных достоинств²⁹.

В «Московском журнале» можно выделить сразу несколько направлений критики: во-первых, критику русских сочинений, во-вторых, критику иностранных книг (в этом разделе наиболее часто встречаем переводы из других журналов) и, в-третьих, критику театральную. Очень своеобразным у Карамзина становится понимание первого упомянутого нами аспекта. Основной материал этого раздела — рецензии издателя не на произведения русских авторов, а на переведенные на русский язык тексты иностранных писателей, что противоречит названию самого раздела - «Критические рассматривания русских книг» (из объявления) или «О русских книгах» (из журнала). Так, во втором выпуске второй части «Московского журнала» встретим такой текст: «Генриада, Героическая Поэма Господина Вольтера, переведенная с Французского языка стихами...»³⁰, в третьем выпуске этой же части найдем: «Неистовый Роланд, Героическая Поэма Г. Ариоста, переведена с Французского...»³¹.

Театральная критика «Московского журнала» тоже достаточно разнородна, она включает в себя два аспекта: Карамзин пишет как о европейском театре («Парижские спектакли»), так и о пьесах, поставленных на московской сцене («Московский театр»). Иногда на страницах «Московского журнала» присутствуют обе части, однако, часто они печатаются отдельно друг от друга, размеры театральных рецензий Карамзина тоже ненормированные. «Парижские спектакли» могут состоять из нескольких рецензий на представления, которые проходят на разных театральных сценах. Например, во втором номере первой части издателем

---

²⁹ Громова Т. Ю. Литературно-критические концепции Н. М. Карамзина // Гуманитарные исследования. № 4. Астрахань, 2009. С. 154.

³⁰ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып.2. С. 207-214.

³¹ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып. 3. С. 322-325.

представлены³²: 1. «Королевская Академия Музыки или Большая Опера (L Academie Royale de Musique)»; 2. «Театр Национальный» (Theatre de la Nation); 3. «Итальянский театр («Theatre Italien»)»; 4. «Театр Графа Прованского».

Обращает на себя внимание и оформление «Московского журнала». На его титульных страницах мы увидим иноязычные эпиграфы, которые Карамзин взял не только из европейских, но и из античных авторов. Первые четыре части издания открывают строки из Александра Поупа, пятую — Гораций, шестую — Ж.-Ж. Руссо, седьмую — Энтони Эшли Купер Шефстбери, восьмую — Г. К. Пфэффель. Частично эту проблему в одной из своих статей затрагивает Н. А. Марченко. Исследовательница считает, что использование Карамзиным двуязычных эпиграфов, во-первых, способствовало формированию общего русско-европейского культурного контекста, благодаря чему устанавливалась взаимосвязь между литературными произведениями обеих традиций; а, во-вторых, это позволяло Карамзину показать «своего» читателя как человека понимающего и идущего на диалог с европейской образованностью³³. Таким образом, влияние на «Московский журнал» европейской литературной традиции очевидно: об этом свидетельствует его история создания, структура, оформление, сами материалы (переводы из иностранной литературы, её критика, театральные рецензии на спектакли французских театров).

Наше внимание к этой проблеме объясняется её близостью к теме настоящего исследования. Стихотворные произведения, опубликованные в «Московском журнале», наряду с другими текстами (художественной прозой Карамзина, его критикой русскоязычных книг) представляют в издании отечественную литературу. И как мы могли убедиться, эти оригинальные русскоязычные материалы в «Московском журнале» соседствуют с

---

³² Московский журнал. 1791. Ч. 1. Вып. 2. С. 207-223.

³³ Марченко Н. А. «Письма русского путешественника» в структуре «Московского журнала» Н. М. Карамзина // История литературы и художественное восприятие. Тверь, 1991. С. 95-96

«европейским словом». Конечно, их объем неравнозначен: переводов в журнале меньше, однако если учитывать характер «Писем русского путешественника», главного теста издания, который обнаруживает свою глубокую связь с европейским культурным пространством, может создаться впечатление, что западная культура представлена в «Московском журнале» более разнообразно, факт этот во многом объясним просветительскими задачами Карамзина. Однако в связи с этой тенденцией особую важность в издании приобретает поэзия. Возможно, помещение стихотворного раздела в начало журнала было вызвано желанием издателя уравновесить на его страницах явления обеих литератур, а также (снова обратимся к мысли Марченко) – создать общий русско-европейский культурный контекст³⁴. Стихотворная составляющая издания более подробно будет рассмотрена нами в следующих главах работы.

---

³⁴ Там же. С. 96.

Глава 2. Стихотворные произведения в структуре «Московского журнала»

Н. М. Карамзина

2.1. Общие особенности

Как мы могли убедиться в предыдущей главе нашего исследования, изучение издательской деятельности Н. М. Карамзина не является чем-то новым для отечественного литературоведения. Фигура Карамзина в качестве журналиста и издателя успела привлечь внимание многих авторитетных учёных. Вместе с тем, нельзя сказать, что область эта себя исчерпала, так как литературская деятельность Карамзина способна поставить перед исследователями самые разнообразные проблемы: начиная от общих концептуальных особенностей отдельных журналов и альманахов, заканчивая рассмотрением конкретных текстов, опубликованных Карамзиным на страницах своих изданий.

Многочисленные вопросы не мог не поставить перед исследователями и «Московский журнал». Конечно же, какие-то из них в науке получили достаточно широкое освещение, например, проблема литературно-критической деятельности Карамзина, также отмечены большим вниманием и оригинальные прозаические произведения писателя, опубликованные им на страницах данного издания. Однако существуют и такие аспекты «Московского журнала», которые, по нашему мнению, ещё не смогли привлечь должного внимания исследователей. К таким проблемным аспектам мы можем отнести изучение стихотворных произведений в структуре «Московского журнала».

Изучение стихотворных текстов в структуре «Московского журнала» важно по нескольким причинам, самая главная причина заключается в особом издательском отношении к этим текстам. Не может возникнуть сомнений в том, что Карамзин считал стихотворную составляющую своего журнала одной из ключевых частей всего издания. Доказательством этого является хотя бы тот факт, что в объявлении «Об издании...» писатель ставит стихотворные произведения в один ряд со своим главным прозаическим

трудом – «Письмами русского путешественника»³⁵. Таким образом, стихотворные тексты и «Письма...», объединенные Карамзиным в один раздел – «Русские произведения в стихах и прозе», становятся центром «Московского журнала». Причем, если «Письма...» в дальнейшем получили статус идейного центра издания, то о стихотворных произведениях мы можем говорить как о своеобразном лице «Московского журнала». Ведь стихи – первое, что видит читатель. Именно они на протяжении двух лет открывают издание Карамзина.

Вторая причина, почему нам так интересны эти тексты, заключается в том, что стихотворения, на наш взгляд, в достаточной мере выделяются на фоне остального прозаического содержимого «Московского журнала». Действительно, можно заметить, что на страницах своего издания Карамзин публиковал очень качественные материалы прозаического характера: свои оригинальные литературные произведения, переводы, критику – все эти произведения всегда привлекали внимание исследователей в первую очередь. Такие тексты, в отличие от текстов поэтических, занимают большую часть «Московского журнала», что кажется даже немного странным, если учесть тот факт, что в русской литературе того времени господствующее место отводилось именно поэзии и поэтическим жанрам. Противопоставляя в «Московском журнале» наличие этих двух форм, мы, конечно же, не хотим сказать, что Карамзин пренебрежительно относился к последней. Да, в «Московском журнале» поэзии меньше, но та регулярность, с которой она оказывается у Карамзина на первых страницах издания, говорит, о повышенном внимании издателя к стихотворным произведениям.

Несложно заметить, что стихотворный раздел журнала явился плодом усилий сразу нескольких поэтов, которые делились своими произведениями с Карамзиным. Данный факт свидетельствует о желании издателя придать своему журналу оттенок «многоголосия», и с этой точки зрения, «Московский журнал» во многом опережает последующие «толстые»

---

³⁵ Карамзин Н. М. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 6.

литературные журналы XIX века. Примечательно также, что о своём стремлении к сотрудничеству с другими авторами Карамзин заявляет не только в своём закрытом кругу друзей, но и в открытой форме на страницах объявления: «Материалов будет у меня довольно; но если кто благоволит присылать мне свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом...»³⁶.

Конечно же, несмотря на отмеченную нами особенность «Московского журнала», издание Карамзина в полном смысле этого слова остаётся изданием авторским. Даже вышеприведенную фразу можно интерпретировать двояко: с одной стороны, в ней показана готовность писателя печатать в «Московском журнале» произведения других авторов, однако эта готовность будет выполняться при соблюдении важного условия – присланные в редакцию тексты должны удовлетворять «плану» издателя, в который, по его словам, не входят «теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы»³⁷. Такое добавление очень удобно Карамзину, так как при желании любое произведение можно отнести к одному из вышеперечисленных типов исключений. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на открытость издателя «Московского журнала» к сотрудничеству с другими авторами, это сотрудничество имеет весьма строгие и чётко обозначенные рамки, что ещё раз подтверждает нашу мысль о том, что «Московский журнал» признаёт только один «голос» – самого Карамзина.

Уже было сказано, что стихотворный раздел, ввиду того места, которое он занимал в «Московском журнале», был лицом всего издания. Расположение стихов было таково, что они непременно открывали журнал, соответственно, большинство текстов мы найдем в начале журнала. Есть и отдельные случаи, когда стихотворная подборка разбивается издателем на несколько частей, при этом, что-то публикуется Карамзиным в начале, а что-

---

³⁶ Карамзин Н. М. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 7.

³⁷ Там же. С. 7.

то в середине или конце журнала, однако, подобные явления сравнительно редки и легко объяснимы. Так, например, в одном из выпусков журнала за 1791 год под стихотворением, помещенном вопреки правилу в середине издания, мы найдем такой комментарий Карамзина: «Издатель получил сии стихи тогда, когда последний лист Апреля месяца был в корректуре. Он благодарит особу, благоволившую ему сообщить оные»³⁸. Иногда же издатель сознательно разбивал большую стихотворную подборку на несколько частей, печатая её в разных частях журнала, чтобы не утомить внимание своего читателя одной формой. Самым ярким примером такого подхода является последний выпуск, объединивший в себе сразу два месяца, в нём мы найдем около 17 стихотворений, которые были разделены Карамзиным на две части.

Однако публикация столь многочисленных стихотворных текстов не характерна для «Московского журнала». Всего в 23 номерах издания Карамзиным было опубликовано около 129-ти различных стихотворений. Соответственно, на каждый выпуск «Московского журнала» в среднем приходится по 5 стихотворных текстов, иногда их число колеблется в большую или меньшую сторону (минимальное число стихотворений в выпуске – 2, максимальное – 17). Как мы видим, Карамзин, заполняя тот или иной раздел журнала, не придерживался какой-то определенной количественной нормы, соблюдая общую структуру журнала, заявленную в «Объявлении об издании...», он ориентировался прежде всего на материал, которым располагал.

Если более подробно говорить о так называемых «сотрудниках» «Московского журнала», справедливо было бы разделить участников издания на две группы. В первую мы отнесем писателей, чьи поэтические произведения можно найти практически в каждом стихотворном разделе издания. На страницах «Московского журнала» регулярно появлялись стихотворные тексты лишь трёх авторов: Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и самого Карамзина – этим людям принадлежит основной стихотворный

---

³⁸ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып. 1. С. 96.

репертуар издания. Самым публикуемым автором первого раздела журнала становится И. И. Дмитриев, по нашим подсчетам, ему принадлежит практически треть всех стихотворных текстов – это 42 произведения. Второе место по числу публикаций занимает Г. Р. Державин, его вклад в «Московский журнал» составил около 22 стихотворений. Своих собственных стихотворных произведений Карамзин опубликовал чуть меньше – 19 текстов.

Авторы другой группы в «Московском журнале» печатались не столь регулярно. На страницах издания иногда появлялись стихотворения М. М. Хераскова, А. А. Петрова, Ф. П. Львова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. В. Капниста и др. Большой пласт в издании составляют тексты, авторство которых пока не удалось установить, таких произведений насчитывается около 20-ти. Есть и спорные случаи, например, разногласие среди исследователей вызвало стихотворение «К текущему столетию» (1991, Ч. 2., вып. 3). Этот текст приписывали двум авторам – сначала самому Карамзину (гипотеза А. Я. Лященко и В. В. Сиповского), а затем Дмитриеву (В. В. Виноградов)³⁹.

Проблема атрибуции тех или иных произведений легко объяснима. Её причиной стала установка Карамзина на анонимность материалов своего издания. Дело в том, что под многими произведениями «Московского журнала» нам не удастся увидеть перечисленные выше фамилии. Вместо них можно найти особые обозначения или криптонимы, которые издатель применяет с целью скрыть имя реального автора. Очень часто данные криптонимы имеют характер сокращенных инициалов, вследствие чего их достаточно легко отождествить с конкретным человеком. Причем, как правило, тот или иной криптоним был закреплён за каким-либо писателем, результатом этого стало то, что в «Московском журнале» сложилась целая система различных авторских обозначений. Таким образом, с одной стороны, текст формально оставался анонимным, а с другой стороны, у постоянного

---

³⁹ *Макогоненко Г. П.* Комментарии // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 469.

читателя «Московского журнала» непременно возникали ассоциации, позволявшие ему «приписать» то или иное произведение конкретному лицу.

Для Г. Р. Державина в «Московском журнале» был характерен криптоним «***», мы можем найти около восьми подобных обозначений. Такой криптоним был применен издателем уже в первом выпуске журнала под стихотворением поэта «Видение Мурзы». Весьма часто Державин публиковался Карамзиным и вовсе анонимно, в этих случаях в журнале использовалась подпись «Из Петербурга от неизвестной Особы» (а также «Из Петербурга», «Из Софии от неизвестной Особы», «Из П. Б. От неизвестной Особы»), однако такое обозначение характерно не только для произведений Державина. Иногда произведения поэта публиковались издателем без каких-либо обозначений, под прочерком. В связи с этим необходимо отметить стихотворение Державина «Памятник Герою» (1791, Ч. 4, вып. 1), оно интересно нам тем, что обладает очень своеобразным примечанием Карамзина. В нём издатель «Московского журнала» говорит, что сочинитель этих стихотворений не хочет быть известен, и далее высказывает мысль о том, что публике вообще не надо помнить имён сочинителей, так как гораздо важнее знать и помнить те «знаменитые добродетели», которые писатели в своих творениях запечатлевают⁴⁰. Несомненно, эти слова Карамзина говорят очень многое о его писательской позиции. В частности, они открывают одну из возможных причин анонимности публикаций «Московского журнала» - Карамзин, как мы можем это понять из примечания к произведению, считал, что имя писателя вторично по отношению к предмету своего творчества.

Что касается И. И. Дмитриева, то он в «Московском журнале» получает условный инициал «И» – так издатель обозначает практически все произведения писателя. Редкое исключение составляют такие стихотворения, как «Плач супруги» (1791, ч. 2, вып. 2) – здесь не встретим никаких обозначений; напротив, у произведения «Надпись к портрету Ефрема-живописца» (1791, ч. 2, вып. 2) найдем инициал более полного вида –

---

⁴⁰ Московский журнал. 1791. Ч. 4. Вып. 1. С. 46.

«И. Д.». Таким образом, обозначение стихотворений Дмитриева криптонимом «И» становится характерной чертой первого раздела журнала Карамзина.

На проблему подписей в одной из своих статей обращает внимание исследовательница Н. Д. Кочеткова. При сравнении двух редакций «Московского журнала» она заметила, что в более позднем издании Карамзин приложил некоторые усилия, направленные на то, чтобы развеять представления читателей о неизменной букве «И», сопровождавшей произведения Дмитриева⁴¹. В частности, помимо привычного «И» в журнале появились такие обозначения, как «Дм.», «-вь», «Д.», чаще стала использоваться подпись «И. Д.». По наблюдению Н. Д. Кочетковой, подобные изменения коснулись и других авторов: М. М. Хераскова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого. Все эти наблюдения позволили сделать исследовательнице вывод о том, что во втором издании «Московского журнала» подписи стали более разнообразны. Интересно, что причиной этих изменений Н. Д. Кочеткова видит желание Карамзина придать своему изданию более «коллективный» характер, то есть создать у читателей впечатление того, что круг писателей «Московского журнала» гораздо шире, чем он есть на самом деле⁴².

Иногда же в «Московском журнале» встречаются стихотворные произведения, которые условно можно обозначить как произведения «от читателя». Довольно сложно сказать, в действительности ли данные тексты принадлежат самому читателю, учитывая высокую степень анонимности журнала. Вполне возможно, что это читательское участие может оказаться лишь частью литературной игры Карамзина, иллюзией, которую создает сам издатель.

Ярким примером сочинения такого типа является стихотворение «Перемена судьбы моей» (Ч. 2, вып. 3), посвященное жалобам неизвестной

---

⁴¹ Кочеткова Н. Д. Два издания «Московского журнала» // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 180.

⁴² Там же. С. 182.

молодой особы на изменения в собственной жизни, которые произошли по мере её взросления:

Все забавы улетели,
Все веселия померкли,
И все радости исчезли.
Что ж за странная премена?
Я уж ныне не ребенок⁴³.

Стихотворение сопровождается довольно пространным примечанием Карамзина: «Сия пьеса прислана Издателю от неизвестной Особы при следующих строках: «Прошу поместить в вашем Журнале сии стихи, сочиненные одною знакомую мне девицею». Кто не порадуется тому, что у нас есть девицы, которые *так* чувствуют и *так* выражают свои чувствования»⁴⁴.

В связи с этим текстом нельзя не отметить два интересных явления: это, во-первых, уже упомянутую выше издательскую «игру», в рамках которой публика в журнале получает собственное «слово». Такой прием, несомненно, направлен на то, чтобы не только дать читателю возможность высказаться на страницах издания, но сделать его более сопричастным к нему. Во-вторых, не менее важно, что вместе с голосом читателя появляется и голос автора-издателя, благодаря чему между ними завязывается диалог, в котором образ мыслей первого получает авторскую оценку. Так, например, в рассматриваемом тексте читатель заявляет, что он изменился и вырос, однако, он воспринимает эту данность в негативном ключе, видя «взрослый» мир миром ощутимых недостатков: он чувствует, что взрослая жизнь не столь радостна, как весёлое и беззаботное детство. Издатель в свою очередь не оставляет сделанное заявление без комментария. И, как кажется, похвала публике за её способность *«так»* чувствовать и *«так»* свои чувства выражать, не лишена оттенка иронии.

---

⁴³ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып. 3. С. 222-223.

⁴⁴ Там же. С. 221.

Можно сделать еще одно предположение, объясняющее, почему издателю были удобны анонимные обозначения. Многие исследователи отмечали, что «Московский журнал» по своему содержанию был несколько хаотичен. Так, например, П. Н. Берков назвал стихотворный раздел журнала наиболее слабой и неудавшейся частью издания Карамзина. Исследователь не признавал сосуществования в рамках одного издания представителей различных поэтических традиций: старшего литературного поколения (Державина, Хераскова) и «сентименталистов»⁴⁵. Отчасти с мнением П. Н. Беркова нельзя не согласиться, однако, мы думаем, что отмеченный им «недостаток» был, скорее, достоинством «Московского журнала». Мы считаем, что Карамзин хотел представить своему читателю русскую поэзию в наиболее разнообразных её проявлениях, и, с этой точки зрения, наличие в журнале нескольких поэтических направлений не выглядит чем-то отталкивающим. Конечно, результатом не могла не стать некоторая стилистическая неоднородность стихотворного раздела «Московского журнала». Чтобы хоть немного упорядочить возникшую хаотичность Карамзин и мог прибегнуть к тому, чтобы придать материалам своего журнала облик анонимности. Этот шаг во многом позволил сочетать на страницах издания произведения «классиков» и представителей нового направления в той последовательности, которая нужна была Карамзину.

Однако самым мощным объединяющим фактором стихотворного раздела «Московского журнала» стало заметное присутствие «авторского начала». Более всего издательское «Я» Карамзина проявляется в многочисленных примечаниях, которыми он часто снабжает материалы своего издания. Большое количество таких примечаний мы можем найти в первом разделе журнала. Справедливо выделить два их вида:

- первый тип примечаний напрямую не связан с текстом, но, благодаря им, читатель может узнать какие-то сведения об авторе, времени и месте написания того или иного стихотворного произведения, также

---

⁴⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 503.

можно увидеть слова благодарности издателя за полученное произведение. Например, под стихотворением «К лире»

Ф. П. Львова найдем: «Стихи к реке Талажне многим полюбились: сия пьеса того же Сочинителя, мне почти незнакомого, – потому что видел его только один раз, и то мельком – незнакомого, но любезного, так как все люди с дарованиями и с нежными чувствами мне любезны»⁴⁶;

- другие примечания, напротив, напрямую связаны с текстом произведения. С их помощью издатель объясняет не совсем понятные читателю явления, которые были затронуты автором в своём произведении. Подобные примечания мы можем найти, например, у стихотворения Г. Р. Державина «Видение Мурзы». Так, к строкам стихотворения: «Из теремов своих янтарных / И серебро-розовых светлиц» – Карамзин добавляет небольшое пояснение: «Древние летописцы уверяют, что у сей Царевны были преудивительные палаты, как-то, сапфировозолотые, серебряные и янтарные»⁴⁷; а строки: «Как луч потомству сообщу; / Как солнце, как луну поставлю/ Твой образ будущим векам» издатель комментирует следующим образом: «Древние Поэты Героев своих помещали в число созвездий и светил небесных»⁴⁸.

Как мы могли убедиться, Карамзин очень внимательно относился к публикуемым им текстам, можно предположить, что такое же вдумчивое отношение он пытался сформировать и у читателя «Московского журнала». Именно на формирование литературного вкуса был направлен критический раздел издания Карамзина. Критическая направленность «Московского журнала» оказывается настолько сильной, что она проникает даже в примечания к стихотворениям. Очень ярким примером оказывается уже названное ранее стихотворение Ф. П. Львова «К лире», его Карамзин на

---

⁴⁶ Московский журнал. 1792. Ч. 6. Вып. 3. С. 227. Другие примеры можно увидеть в разделе «Приложение».

⁴⁷ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Вып. 1. С. 10.

⁴⁸ Там же. С. 15.

страницах журнала разбирает буквально дословно, отмечая плюсы и минусы произведения. Например, издатель акцентирует внимание читателей на примере неудачного употребления поэтом прилагательного «хитрый» и глагола «рыть» в строках:

Ты прежде, лира дорогая,
Волшебством звона твоего
Моё так сердце услаждала.
Когда тоска его снедала;
Когда сердце сей *хитрый* змей
Везде мне тайно *рыл* могилу...⁴⁹

Карамзин считает, что употребленная в стихотворении метафора сердечной тоски не очень логична, по его мнению, «тоску нельзя назвать хитрою», поэтому в этом случае слова «хитрый» и «змей» плохо сочетаются друг с другом. Глагол «рыть» по отношению к змее тоже вызывает у Карамзина недоумение, в примечании он пишет: «... *рыть могилу* есть действие несвойственное змею»⁵⁰. Однако взыскательность своей критики издатель не может не смягчить, добавляя в свой комментарий хвалебные слова о том, что столь строгому разбору можно подвергать лишь по-настоящему хорошие пьесы.

Говорит Карамзин и об удачных местах стихотворения, мы можем увидеть такие восторженные комментарии издателя, как: «Очень хорошо!»; «И предшедшие стихи очень хороши: а в сем последнем есть какая-то особливая, малая нежность»⁵¹; «Живое, пиитическое сравнение!»⁵², «Прекрасно, прекрасно!»⁵³ и т. д.

---

⁴⁹ Московский журнал. 1792. Ч. 6. Вып. 3. С. 227-228.

⁵⁰ Там же. С. 228.

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² Там же. С. 231.

⁵³ Там же. С. 232.

Довольно обширное примечание издателя сопровождает последние строки стихотворения Львова, где поэтом описывается смерть лирического героя в кругу друзей. Заключительный комментарий Карамзина смотрится на страницах «Московского журнала» не менее поэтически: «Поэт воображает, что печальные друзья, на гробе его собравшиеся, слышат – как будто бы вдали – как будто бы в вейнии тоннаго эфира – те приятные песни, которые он в жизни своей воспевал им, и в которых любовь его к ним изображалась. <...> Так кончатся, так умирают Моцардовы, Плеелевы *адажши*»⁵⁴.

Таким образом, мы можем убедиться в том, что примечания издателя к стихотворным текстам очень часто выполняют не только информативно-комментирующую функцию, они также несут в себе издательскую оценку творчества того или иного автора. Более того, благодаря им читатель «Московского журнала» может дополнить свои впечатления не только о прочитанном тексте, но и составить определенное мнение о характере автора-издателя. Тем самым, вышестоящее издательское «Я», проявившееся в примечаниях к текстам, в какой-то мере способствует объединению стилистически неоднородных стихотворений «Московского журнала».

2.2. Композиция стихотворного раздела

Уже было сказано, что композиция «Московского журнала» складывается приблизительно так, как это было запланировано Карамзиным в его «Объявлении об издании...». При некоторых неизбежных отличиях от заявленного «идеального» плана в журнале на всех его уровнях явно прослеживается стремление к организованности и структурированности. В частности, отмеченная тенденция выражается не только в расположении самих разделов «Московского журнала», но также затрагивает и расположение материалов внутри этих разделов, ярким примером чего является поэтическая составляющая издания.

При анализе композиции стихотворений «Московского журнала» особую важность приобретает вопрос о том, какие принципы легли в основу

---

⁵⁴ Там же. С. 234.

упорядоченности текстов внутри раздела и можно ли усмотреть в этом явлении определённую закономерность. Чтобы получить ответ на этот вопрос, попробуем для начала обратиться к первому выпуску «Московского журнала».

В первом выпуске «Московского журнала» Карамзиным было опубликовано 6 произведений, написанных в стихотворной форме: «Время» М. М. Хераскова; «Видение Мурзы» Г. Р. Державина; «Филлиде» Н. М. Карамзина; «Истукан дружбы» И. И. Дмитриева; «Червонец и полушка» И. И. Дмитриева; «Эпитафия» А. А. Петрова.

Как мы видим, открыть своё издание Карамзин решает очень ярко, а именно философским стихотворением М. М. Хераскова «Время». Наверное, это отчасти символический шаг, ведь саму категорию времени можно считать основополагающей для явления литературного журнала в целом, в задачи которого как раз и входит отразить время в его изменчивости. И такое начало у Карамзина задает изданию довольно серьезный тон.

Действительно, произведение Хераскова можно назвать довольно пессимистичным, своим общим содержанием оно способствует созданию мрачного и тяжелого настроения. Его основная тема – тема могущества времени, которое у поэта, как наивысшая, непостижимая человеческим умом сила, обладает исключительно разрушающим действием. Время, как видно из стихотворения, – механизм, призванный всё на своем пути уничтожить:

Противу Врямя обороны
Ни силы, ни защиты нет;
Снимает лавры и короны,
Венцы и брачны узы рвет⁵⁵.

И не удивительно, что далее в стихотворении утверждается, будто любая человеческая жизнь, даже жизнь великой личности, по сравнению с могуществом времени, - «песчинка», а любое событие, явление рано или поздно забудется, исчезнет под его гнетом.

---

⁵⁵ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Вып. 1. С. 8.

Есть в тексте и нравоучительный, морализаторский эпизод, касающийся мнимой важности материальных благ, тщеславия:

О ты, который блеском мира
И суетами ослеплен!
Представь, что золото и порфира
Есть жертва времени и тлен⁵⁶.

Следующим произведением, которое Карамзин публикует в «Московском журнале», становится стихотворение Г. Р. Державина «Видение Мурзы». В нём также затронута тема времени, однако, здесь она раскрывается в несколько ином аспекте, а именно через тему поэта и поэзии. Причём две обозначенные в журнале точки зрения (Хераскова и Державина) отчасти противостоят друг другу. Так, если Херасков в своем произведении утверждает, что ничто не может быть вечно, что всё рано или поздно будет поглощено временем, включая целые цивилизации, то Державин, прямо этому не противореча, начинает говорить об одном возможном виде бессмертия, о бессмертии поэтическом:

Как солнце, как луну поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам⁵⁷.

Третьим по счету произведением, которое мы находим в «Московском журнале», становится стихотворение самого Карамзина «Филлиде». Текст этот носит характер легкого анакреонтического поздравления: поэт создаёт образ некой «любезной красавицы», он приветствует её и поздравляет с днем рождения. Главный образ стихотворения предельно обобщен, это, скорее, образ земного совершенства, весеннего очарования, любви, нежели реальный персонаж. Если сравнивать текст стихотворения Карамзина с «Видением Мурзы» Державина, то помимо их явного различия в тональности и

---

⁵⁶ Там же. С. 9.

⁵⁷ Там же. С. 15.

настроении, можно обнаружить и некоторое сходство – в их центре находятся идеализированные женские образы, это два видения, вызывающие у лирических героев чувство восхищения. Конечно, дистанция между женским образом и героем в текстах различна: у Карамзина они близки, своё излияние к ней поэт называет «дружеским»; Державин же показал более сложные отношения между «жрицей», «богиней» и простым человеком – их разделяет огромная дистанция, преодолеть которую невозможно, как нельзя встать на один уровень с божеством. Однако, как мы уже говорили, определенное сходство между этими произведениями все же есть.

Далее в журнале находим две следующие друг за другом басни Дмитриева «Истукан дружбы» и «Червонец и полушка». В стихотворной подборке первого выпуска эти тексты отчасти выполняют развлекательную функцию. Нельзя оставить без внимания и другой аспект произведений Дмитриева – морализаторский. Как уже отмечалось выше, данная тема получает своё развитие уже в первом стихотворении подборки. Причем, как в басне «Червонец и полушка», так и во «Времени» писателями непосредственно затронута одна и та же проблема – проблема денег, богатства, что тоже можно принять за своеобразный повторяющийся мотив первого выпуска.

Последним стихотворным произведением первого выпуска «Московского журнала» становится «Эпитафия» А. А. Петрова:

Под камнем сим лежит сокрыто тленно тело,
Остаток юноши, достойного любви.
Он умер, испытав печали и надежду.
Постой, прохожий, здесь и глас его внемли -
Во всяком ветерке сей глас к тебе несется -
«И ты был жив как я, и ты умрешь как я!»⁵⁸.

Это текст со своей темой неминуемой человеческой смерти, настроением безысходности отсылает нас к началу «Московского журнала», а именно, к

---

⁵⁸ Там же. С. 23.

стихотворению Хераскова «Время», где подобные мотивы обозначены тоже. Об уничтожающем свойстве времени в стихотворении говорится следующее:

Ни юных лет не уважает,
Веселостей, ни красоты,
На что ни взглянет, пожинает,
Как будто сельные цветы⁵⁹.

Таким образом, в стихотворной подборке первого выпуска «Московского журнала» мы можем найти целый комплекс повторяющихся мотивов, как, самым ярким из которых является мотив времени. Если же говорить о расположении стихотворных текстов, то нельзя не заметить, что издателю при составлении этой части журнала удалось воспроизвести принцип кольцевой композиции, что, конечно же, не могло стать результатом обыкновенной случайности.

После предпринятой попытки анализа стихотворной подборки первого выпуска, как кажется, было бы весьма интересно обратиться к финалу издания, к последнему журналу. Из-за большого количества стихотворений в нём (19 произведений) очень сложно найти какую-то явную структуру, как это отчетливо видно на примере первого выпуска. Вместо этого мы имеем целый комплекс повторяющихся мотивов, которые объединяют произведения последнего номера, если не в единое целое, то в своеобразную общность.

Последний выпуск «Московского журнала» открывает стихотворение Дмитриева «Быль». Первое, на что стоит обратить внимание – явный нравоучительный характер произведения; второе – преобладающий мотив смерти. В соответствии с этим, произведение условно делится на две части: в одной рисуется ужасающая своей пессимистичностью картина погибающего от чумы города; вторая часть носит более жизнеутверждающее начало – в центре её внимания находится нравоучительная история смерти некоего старца, который умирает в полном согласии со своей прожитой жизнью, счастливый тем, что большую её часть провел в труде:

---

⁵⁹ Там же. С. 8.

Я тяжко б согрешил теперь пред смертным часом,
Сказав, что плохо мне и горько было жить.
Меня небесный царь не допускал тужить.
Доколе мочь была, всяк день я был доволен,
Здоров, пригрет и сыт и над собою волен.
Кормилицы мои – топор был и пила...
А куплена трудом и корочка мила!⁶⁰

Как кажется, издатель намеренно начинает последний выпуск именно с этой ноты. Его журнал заканчивал своё существование, поэтому логично, что об этом стало и первое стихотворение номера. Само настроение старца из «Были», возможно, могло в чем-то повторять настроение издателя, который, как и герой произведения Дмитриева, уходит на покой со спокойной совестью, осознавая полезность своей деятельности.

Тематика смерти в стихотворных текстах последнего номера на этом не заканчивается, она находит свое логическое развитие в мотиве разлуки и прощания. Сюда мы отнесём такие тексты, как «Разлука» и «К Темире» Александра Ивановича Дмитриева, а также стихотворение самого Карамзина «Прости». Все эти произведения объединяет одна тема – тема несчастной любви. Приведем их схожие фрагменты:

Ах, зачем, зачем тобою
Быть нельзя мне, голубок!
Ах, тогда бы, мой дружок,
Был доволен я судьбою!

Не рвалось бы сердце страстно;
Если б крылышки имел,
Я взвился б и полетел
К той, о ком грущу всечасно!⁶¹

(«Разлука»)

Что было сердцу мило,
Возможно ль позабыть,

---

⁶⁰ Московский журнал. 1792. Ч. 8. Вып. 2. С. 163-164.

⁶¹ Там же. С. 165-166.

А вспомня то в разлуке,
Как можно не грустить?

<...>

Ах! что со мною будет,
Представить не могу-
Тебе пенять не стану,
А с горести умру!⁶²

(«К Темире»)

Будь счастлива – покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу – ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слёз горючих,
Желать конца – прости!⁶³

(«Прости»)

Как видно из этих строк, во всех трех произведениях лирический герой испытывает сильное чувство горечи и тоски. Везде он либо уже разлучен со своей возлюбленной, что мы наблюдаем в «Разлуке» и «К Темире», либо только собирается расстаться с нею («Прости»).

Интересно и то, что стихотворение «Разлука» открывает в последнем номере «Московского журнала» серию произведений, основным образом которых становится образ птицы. К этим текстам мы отнесём также «Ласточку» Державина, «Голубка» и «Песню» Дмитриева. Стихотворения эти, несмотря на общность главного образа, представляют собой разные жанры лирики. «Разлука» и «Песня» - любовные стихотворения, в нем птицы символизируют светлое начало, идеальную любовь. «Ласточка» Державина - философское стихотворение, в образе птицы здесь воплотился круговорот жизни, она стала олицетворением смерти, возрождения и бессмертия:

Во мраке лежишь бездыханна, –

Но только лишь придет весна

---

⁶² Там же. С. 168-169.

⁶³ Там же. С. 171-172.

И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь⁶⁴.

Последний текст, «Голубок» имеет явный анакреонтический характер. Лирический герой, воспевая свою жизнь, предстаёт верным другом Анакреона:

Что за радость мне летати
По полям и по горам,
Укрываться на деревьях
И питаться чем-нибудь,
Если я во всем доволен,
Хлеб клюю всегда из рук
Самого Анакреона
И вино с ним вместе пью?⁶⁵.

Таким образом, образ птицы в последнем выпуске «Московского журнала» полифункционален: он может олицетворять любовные, философские и поэтические идеалы. Издателем намеренно представлены разные точки зрения на один предмет. Такое он уже делал, например, сталкивал два взгляда на возможность бессмертия в первом выпуске.

Возвращаясь к стихотворению «Быль», стоит упомянуть ещё об одной принципиально важной тематической линии, которую данный текст в последнем выпуске открывает, эту линию можно обозначить как нравственно-философскую. Произведения подобного содержания составляют значительную часть материалов последнего номера и журнала в целом. Ведь издатель «Московского журнала» хотел создать читателя, который был бы не

---

⁶⁴ Там же. С. 171-172.

⁶⁵ Там же. С. 198.

только по-европейски образован и культурен, но и высоконравственен, отсюда столь большое число произведений в журнале на этические темы. В последнем выпуске к этой группе примкнули такие тексты, как: «Быль», «К младенцу», «Пустынник и Фортуна» И. И. Дмитриева; «Тихий вечер», «Доброму человеку» Ф. П. Львова; «Ода на счастье» В. В. Капниста. Все эти произведения в разных аспектах освещают то, каким должен быть идеальный человек. Так, например, в «Были» воспевается трудовая жизнь, в «Тихом вечере» спокойствие и умиротворение, в обращении «К Младенцу» невинность и чистота, в «Пустыннике и Фортуне» и в «Оде на счастье» отказ от честолюбивых стремлений.

Отдельно хочется обратиться к заключительному произведению номера – стихотворению «Вечер 31 декабря 1792 года». Автора этого текста мы, к сожалению, назвать не можем, издателем используется новый криптоним «А. М.». Для последнего выпуска «Московского журнала» этот текст становится знаковым. Данное произведение, с одной стороны, носит характер личного обращения лирического героя к своему другу, а с другой, воспевания и восхваления чувства дружбы в целом. Однако в контексте всего выпуска настоящий текст воспринимается скорее как обращение издателя к своему читателю, как своеобразная ода ему, признание в чувствах:

Пусть прославляют другие
Стройным напевом любовь!
Сам про себя потихоньку
Братскую дружбу пою.

В шумных забавах и играх
Сердцу веселия нет;
В мыслях беседуя с другом,
Нового года я жду⁶⁶.

---

⁶⁶ Там же. С. 309.

Текст не случайно даётся издателем последним, в какой-то степени его можно связать со словами Карамзина в обращении к читателю, где говорится, что издатель собирается проститься с публикой, но ненадолго, так как планирует уже в следующем году выпуск нового издания - альманаха «Аглая». То же самое находим и в тексте «Вечера...»: лирический герой ждет Нового года, чтобы продолжить беседу со своим другом.

После рассмотрения концепции отдельно взятых стихотворных подборок, попробуем перейти к более высокому уровню обзора, то есть, к анализу всего корпуса стихотворных текстов «Московского журнала». Для этого мы разделим весь поэтический репертуар издания Карамзина на определённые группы. Заметим, что наша классификация будет носить весьма условный характер, так как нас в первую очередь интересует композиция стихотворной подборки и мы преследуем цель показать её наиболее обобщенную картину.

К первой группе стихотворных текстов мы отнесем произведения окказионального характера. В виду расплывчатости самого термина «окказиональное стихотворение» следует заранее оговорить его значение в контексте нашей работы. Мы будем исходить из широкого понимания этого явления в литературе, относя к группе окказиональных текстов те произведения, которые содержат в себе отсылку к каким-либо реальным происшествиям, историческим событиям и лицам.

Большую часть произведений этого типа в «Московском журнале» составляют произведения Г. Р. Державина, здесь имеются в виду такие тексты поэта, как: «Видение мурзы» (1791, Ч. 1, вып. 1), «Новый год, песнь дому, любящему науки и художества» (1791, Ч. 1, вып. 2), «Ода на смерть графини Румянцевой к Н.» (1791, Ч. 1, вып. 3), «Ода к Эвтерпе» (1791, Ч. 2, вып.1), несколько отрывков «Из описания празднества, бывшего у Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (1791, Ч. 3, вып. 2; 1792, Ч. 6, вып. 1), «Памятник герою» (1791, Ч. 1, вып. 1), «На рождение Петра Великого» (1791, Ч. 4, вып. 2), «Песнь», посвященная дню рождения

княжны Ольги Павловны 11 июля 1792 года (1792, Ч. 7, вып. 1), «К приятностям» (1792, Ч. 7, вып. 1), «Ода (К Н. А. Л.)» (1792, Ч. 7, вып. 2), «Стихи (Поднесенные Епископу Феофилу, когда он посетил Тамбовскую типографию)» (1792, Ч. 7, вып. 3), «К Каллиопе» (1792, Ч. 8, вып. 1).

К окказиональным стихотворениям можно отнести и несколько произведений И. И. Дмитриева, например, «Песнь на кончину Князя Потёмкина-Таврического» (1792, Ч. 5, вып. 2), «К честному человеку» (1792, Ч. 5, вып. 2), «На мир с оттоманскою портою» (1792, Ч. 5, вып. 3). Довольно значительный вклад принадлежит руке самого Карамзина, однако, об этом мы скажем отдельно⁶⁷. Также некоторое число текстов принадлежит непостоянным сотрудникам журнала: «Стихи Его Сиятельству Графу А. В. Суворову-Рымникскому... на взятие Измаила» П. Г. Кутузова (1791, Ч. 2, вып. 1); «Стихи об отъезде Его Сиятельства Графа Александра Васильевича Суворова...» Д. Хвостова (1791, Ч. 2, вып. 1); «Стихи её Сиятельству Княжне Марье Алексеевне Голицыной, в день её именин» неизвестного автора (1791, Ч. 2, вып. 2); «Ода Его Сиятельству Князю Николаю Васильевичу Репнину, на победу, одержанную им над Турецкими силами за Дунаем в 28 день июня, 1791 года» Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1791, Ч. 4, вып. 1); «Вечер 31 декабря 1792 года» неизвестного автора (1792, Ч. 8, вып. 2).

Если обратить своё внимание на стихотворные тексты, открывающие журнал, можно заметить одну тенденцию – очень часто названные нами окказиональные произведения оказываются в начале выпуска. Больше всего это правило работает на примере стихотворений Г. Р. Державина, с заметной регулярностью его тексты становятся лицом журнала. Вспомним, что своё трепетное отношение к творчеству данного автора Карамзин обозначил ещё в объявлении «Об издании...», назвав его «нашим первым поэтом».

Благодаря подобному размещению текстов, первые страницы «Московского журнала» приобретают весьма строгий и серьёзный характер. Примечательно, что мы не найдём ни одного случая, когда издание

---

⁶⁷ См. третью главу настоящей работы.

открывали бы «легкомысленные» произведения шуточного и иронического типа, которые в «Московском журнале» тоже имелись в достаточном количестве. Частое помещение в начало журнала стихотворений конкретного исторического содержания придаёт всей стихотворной подборке издания отчасти документальный, а иногда и вовсе «новостной» характер⁶⁸. Как мы видим из приведённого выше перечня стихотворений, содержание многих произведений отражает актуальные события в России тех времён, а их героями становятся видные деятели эпохи (императрица Екатерина Вторая и члены царской семьи, Г. А. Потёмкин-Таврический, А. В. Суворов, А. С. Строганов и др.).

Всё это говорит в пользу того, что журнал Карамзина не был исключительно «литературным», как позиционировал его сам издатель. В какой-то степени свойственен «Московскому журналу» и небольшой общественно-политический элемент, чего, конечно же, невозможно избежать любому периодическому изданию. Мы ещё вернёмся к рассмотрению этой темы, когда будем говорить об окказиональных произведениях «Московского журнала» в контексте поэтического творчества самого Карамзина.

Следующую группу текстов «Московского журнала» условно можно обозначить, как «нейтральные» стихотворения с отвлечённой тематикой. От предыдущего типа данные произведения отличаются тем, что они лишены явного «окказионального» значения, а если оно всё же присутствует, то находит слабое выражение. По своему содержанию настоящая группа текстов в «Московском журнале» отличается наибольшей пестротой и разнообразием, сюда мы можем отнести одновременно и философскую лирику, и пейзажную, и любовную. Так, например, типичными примерами философской лирики «Московского журнала» являются стихотворения М. М. Хераскова «Время» и «Тщета» (1792, Ч. 5, вып. 1), Г. Р. Державина - «Величество божие» (1791, Ч. 4, вып 1), «Ласточка»; пейзажной - «Весна»

---

⁶⁸ Так, например, стихотворение Г. Р. Державина, посвященное дню рождения княжны Ольги Павловны (11 июля 1792 года), было опубликовано Карамзиным уже в июльском выпуске «Московского журнала».

неизвестного автора (1791, Ч. 2, вып. 2), «Осень» Н. М. Карамзина; любовной - «Ниса» Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1792, Ч. 5, вып. 1), «Сизый голубочек» И. И. Дмитриева (1792, ч.6, вып. 2) и т. д.

Стихотворения «нейтральной» группы в «Московском журнале» становятся самыми многочисленными, они занимают почти то же место, что и окказиональные произведения – первые страницы журнала. Мы уже отмечали, что Карамзин предпочитает открывать свой журнал серьезными текстами, и именно произведениям этих двух типов он отдаёт своё предпочтение. Если рассмотреть все двадцать три выпуска, можно увидеть, что восемь из них начинаются стихотворными произведениями «нейтрального» типа, то есть серьезного, но не окказионального содержания. Перечислим их: «Время» М. М. Хераскова, «Весна» неизвестного автора, «Любовь и дружество» И. И. Дмитриева (1791, Ч. 3, вып. 3), «Величество Божие» Г. Р. Державина, «Тщета» М. М. Хераскова, «Сизый голубочек» И. И. Дмитриева, «Песня» Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1792, Ч. 8, вып.2), «Быль» И. И. Дмитриева.

В середине стихотворной подборки читатель обычно встречает произведения более «легкомысленного» содержания – их мы объединим в третью группу стихотворных произведений «Московского журнала». Под определением «легкомысленный» нами имеется в виду шутивно-иронический характер этих текстов. Подобных стихотворений в издании можно найти достаточно много (около двадцати), некоторые из них – басни, примечательно, что большинство текстов данной группы принадлежит руке И. И. Дмитриева, это: «Истукан дружбы», «Червонец и полушка», «Счёт поцелуев» (1791, Ч. 1, вып. 2), «Письмо к Прелесте» (1791, Ч. 1, вып.3), «Я» (1791, Ч. 1, вып.3), «Надежда и Страх» (1791, Ч.2, вып. 1), «На смерть попугая» (1791, Ч. 2, вып.3), «Письмо к Климене» (1791, Ч. 4, вып. 3), «Молодая жена» (1792, Ч. 5, вып. 2), «Отставной вахмистр» (1792, Ч. 5, вып. 3), «О, слабость!» (1792, Ч. 6, вып. 1), «Пчела, шмель и я» (1792, Ч. 7,

вып. 2), «Гимн восторгу» (1792, Ч. 7, вып. 2), «Картина» (1792, Ч. 8, вып.1), «К Хлое» (1792, Ч. 8, вып.2), «Пустынник и Фортуна» (1792, Ч. 8, вып.2).

Существование таких текстов в «Московском журнале» не случайно, при анализе стихотворной подборки первого выпуска мы уже касались тех функций, которые произведения данного типа выполняют: с одной стороны, они носят развлекательный характер, с другой, морализаторский. Таким образом, читатель журнала, по замыслу издателя, одновременно отдыхал и проводил время с пользой.

Наконец, к последней группе стихотворных текстов «Московского журнала» мы отнесём так называемые «малые» стихотворные формы – различные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, небольшие послания. Несомненно, по своему характеру все эти жанры тоже относятся к окказиональной литературе, в этом и заключается сходство первой и последней группы. Между тем, у нас есть все основания, чтобы выделить «малые» окказиональные стихотворения в отдельную группу. Дело в том, что тексты этого рода в виду их небольшого размера Карамзин предпочитает помещать в конец стихотворной подборки, вспомним, что с подобной ситуацией мы уже сталкивались, анализируя первый выпуск издания. Помимо уже названной «Эпитафии» А. А. Петрова, в конце стихотворной подборки «Московского журнала» можно увидеть следующие тексты (назовём их в порядке публикаций): эпиграммы «Поверю ль я тебе, Кощей», «Почто ты Мазона, мой друг, не считаешь?» (1791, Ч. 1, вып. 3), «Надпись к статуе Юпитера» (1791, Ч. 2, вып. 1) И. И Дмитриева, «Надпись к портрету Князя Кантемира» Г. Р. Державина (1791, Ч. 2, вып. 3)⁶⁹, «Эпиграмма» (1791, Ч. 3, вып. 1), «Надпись к портрету Ефрема-живописца» (1791, Ч. 3, вып. 2) И. И. Дмитриева, мадригалы «Желание пастушки» и «К разуму» (1791, Ч. 3, вып. 3) неизвестного автора, «Надгробная надпись Александра Великого» (1791, Ч. 4, вып. 1) от К. Ч., «Эпиграмма» и «К Климене» (1791, Ч.

---

⁶⁹ Этот текст не совсем замыкает стихотворную подборку «Московского журнала», после него идет уже известное нам стихотворение «Перемена судьбы моей». Видимо, большая эстетическая значимость первого текста не позволила издателю поставить его после читательской «Перемены...».

4, вып. 2) И. И. Дмитриева, «Ответ славе» неизвестного автора (1792, Ч. 5, вып. 2), «Надгробная» (1792, Ч. 6, вып. 3) неизвестного автора.

Таким образом, мы можем убедиться в том, что порядок стихотворных произведений «Московского журнала» нельзя назвать хаотически выстроенным. Вместо этого здесь следует говорить о существовании достаточно отчетливой тенденции к структурированности, которая проявляется как внутри раздела издания, так и на более высоком уровне. Мы, конечно, не имеем в виду, что обозначенная нами композиция стихотворных текстов реализуется неукоснительно. Всё-таки издание журнала – индивидуальный и творческий процесс, зависящий от многих факторов, поэтому мы предпочитаем говорить не о строгой композиции стихотворений, а лишь об ориентации издателя на некую идеальную структуру, которая реализуется в журнале иногда в большей, а иногда и в меньшей степени.

Глава 3. Стихотворные произведения Н. М. Карамзина в «Московском журнале»

Мы уже говорили о том, что в стихотворном разделе «Московского журнала» печатались многие авторы: Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков и др. Все перечисленные имена воспринимаются нами как знаковые для поэзии восемнадцатого века. Не так обстоит дело с Карамзиным: свой писательский успех он приобрел благодаря прозе, а его поэтические эксперименты долгое время оставались на периферии исследований. В «Московском журнале» его стихотворения тоже не привлекают должного внимания, во-первых, потому что в издании опубликована его более талантливая проза, а, во-вторых, внутри уже стихотворного раздела Карамзин в какой-то степени не выдерживает соперничества с некоторыми вышеперечисленными поэтами.

Несмотря на это мы считаем, что изучение «Московского журнала» без обращения должного внимания на поэтическую составляющую творчества Карамзина было бы неполным, тем более, когда дело касается изучения именно стихотворных текстов в структуре издания. Следовательно, выделение такой темы, как «Стихотворения Н. М. Карамзина в “Московском журнале”» в качестве отдельной главы исследования становится более чем справедливым и обоснованным.

Хотя нас будут интересовать только те стихотворные произведения, которые были опубликованы Карамзиным непосредственно в «Московском журнале», для полноты нашего исследования было бы чрезвычайно полезно ознакомиться с историей изучения поэтического творчества Карамзина.

В дореволюционный период поэтическое творчество Карамзина привлекло к себе сравнительно небольшое внимание литературоведов. Несколько слов о поэзии Карамзина говорит Я. К. Грот в своей статье «Очерки деятельности и личности Карамзина» (1866). Не отрицая явного поэтического таланта писателя, ученый высказывает мысль о том, что Карамзину «не доставало воображения и вымысла»: «Стихотворения

Карамзина представляют нам в особенности исторический и биографический интерес, как летопись сердечной жизни глубоко искреннего человека». По общему заключению Грота, поэзия Карамзина, так хорошо «согретая чувством», была лишена «блеска и силы фантазии»⁷⁰. Помимо работы Грота, настоящей темы касались еще некоторые исследователи, однако, о поэзии Карамзина всегда упоминалось лишь в связи с общим контекстом его жизни и творчества⁷¹, отдельных научных работ, посвящённых этому вопросу, мы не найдём.

Гораздо лучше обстоит дело с критикой, так, в 1867 году появилась статья П. А. Вяземского «Стихотворения Карамзина», которая включила в себя не только оценку поэтического творчества писателя, но также небольшие сведения мемуарного характера. В своей статье Вяземский говорит о большой разнице между поэтом и стихотворцем, а если быть точнее, о том, что не все поэты могут быть хорошими стихотворцами – к такому типу поэтов Вяземский относил и Карамзина. Сказав это, критик не имел в виду, что Карамзин писал плохие стихи, он подразумевал лишь то, что форма его стихотворений проигрывала их внутренней природе: «Он был поэт по чувству, по краскам и нередко по содержанию стихотворений своих, но не по внешней отделке. Стихотворец в нем, так сказать, не по силам поэту»⁷².

Отмечает Вяземский и самобытные черты творчества Карамзина, он стоит на том, что писатель внёс существенный вклад в развитие русской поэзии: впервые именно Карамзин в своих стихотворениях перенёс внимание с мира внешнего, на внутренний мир лирического героя: «С ним родилась у нас поэзия чувства, любви к природе, нежных отливов мысли и впечатлений: словом сказать, поэзия внутренняя, задушевная. В ней впервые отразилась не

---

⁷⁰ Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. Очерки из истории русской литературы (1848-1893). Т 3. СПб., 1901. С. 131.

⁷¹ См: 1) Киртчичников А. И. Карамзин как литератор // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. Т. 27. СПб., 1895. С. 440-447; 2) Соловьев Е. Н. Карамзин: Его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб, 1894.

⁷² Вяземский П. А. Стихотворения Карамзина // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 254.

одна внешняя обстановка, но в сердечной исповеди сказалось, что сердце чувствует, любит, таит и питает в себе»⁷³. Характеризуя поэзию Карамзина, Вяземский в своей статье противопоставляет её поэзии Державина: державинские стихи, по его мнению, сродни «жаркому полдню», где «всё сияет, всё горит ярким блеском», с Карамзиным же наступает «поэзия летнего сумрака» - она утрачивает свой «блеск», но зато в ней появляется чарующе-успокаивающие мотивы, которые критик именуется «меланхолией»⁷⁴.

Другая важная критическая оценка творчества Карамзина принадлежит В. Г. Белинскому. В одной из своих статей он, высоко оценивая «Историю государства российского», о поэтических талантах писателя отозвался так: «Карамзин не был поэтом и не обнаруживал особенных притязаний на талант поэтический»⁷⁵. Более того, Белинский предпочитает говорить о Карамзине не как о поэте (в широком смысле этого слова), а лишь как о «литераторе»: «Деятельность Карамзина была по преимуществу деятельность литератора, а не поэта, не ученого. Он создал русскую публику, которой до него не было: под "публикою" мы разумеем известный круг читателей. До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что все немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошие стороны, было ужасно тяжело и торжественно и годилось для одних "ученых", а не для общества. Карамзин умел заохотить русскую публику к чтению русских книг»⁷⁶. Конечно, чрезмерная субъективность некоторых критических высказываний Белинского не дает нам оснований говорить о них как об особо значимых для изучения творчества Карамзина. В чем-то разделяя позицию критика, а в чем-то нет, мы просто примем её к сведению.

В 10-20-е гг. XX века интерес к поэзии Карамзина заметно усиливается. В статьях о его жизни и творчестве этому аспекту уделяется всё больше

---

⁷³ Там же. С. 256.

⁷⁴ Там же. С. 259.

⁷⁵ Белинский В. Г. Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 133.

⁷⁶ Там же. С. 139.

внимания, помимо этого, появляются и отдельные работы на эту тему⁷⁷. В частности, к поэтике Карамзина в одной из своих работ обращается Б. М. Эйхенбаум. Соглашаясь со всеми замечаниями Вяземского, исследователь добавляет, что Карамзина одним из первых ощутил разницу между практическим и поэтическим языком. При описании последнего Эйхенбаум заметил, что карамзинское «слово» замкнуто в себе и обращено «к созерцанию отраженной в ней души», отчего его поэтическая речь начинает функционировать по закону внутренней интонации. В результате этого, художественный текст Карамзина приобретает особую мелодичность⁷⁸. «Сентиментализм» Карамзина Эйхенбаум связывает не только с «внешним», то есть настроением времени, но и с «внутренней» философией поэта. При всём своём достоинстве работа Эйхенбаума носит слишком краткий и общий характер, затрагивая поэзию, исследователь не касается ни одного поэтического текста, приводя лишь отрывки из рассуждений писателя.

Дальнейший анализ истории изучения поэтического творчества Карамзина показывает всё большее увеличение исследовательского интереса к этой теме. В своих трудах её затрагивали такие литературоведы, как Г. А. Гуковский⁷⁹, П. Н. Берков и Г. П. Макогоненко⁸⁰. Однако совершенно новым этапом изучения данного аспекта литературной деятельности Карамзина стала статья Ю. М. Лотмана «Поэзия Карамзина» (1966). На концепции, изложенной Лотманом, мы бы хотели остановиться подробнее, так как до настоящего времени его работа остается наиболее важным исследованием, посвященным изучению стихотворного наследия Карамзина. Значительную часть своей статьи Лотман уделил анализу философских и общественно-политических взглядов писателя. Мы не будем подробно

---

⁷⁷ См.: 1) *Чечулин Н. Д.* О стихотворениях Н. М. Карамзина. Петроград, 1917; 2) *Розанов И. Н.* Русская лирика: От поэзии безличной к исповеди сердца. М., 1914.

⁷⁸ *Эйхенбаум Б. М.* Карамзин // Сквозь литературу. Л., 1924. С. 46-49.

⁷⁹ *Гуковский Г. А.* Карамзин // История русской литературы: В 10 т. Т. 5. М.; Л., 1941. С. 91-95.

⁸⁰ *Берков П. Н., Макогоненко Г. П.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. С. 30-37.

углубляться в мировоззренческий аспект творчества Карамзина, а остановим своё внимание лишь на главных особенностях его поэзии периода существования «Московского журнала».

Обращаясь к общей оценке поэзии Карамзина, Лотман занимает однозначную позицию: исследователь считает, что вклад писателя в развитие русской литературы поэзии очень значителен. Оценивая его стихотворения, Лотман замечает, что оригинальность и самобытность карамзинского творчества позволила ему повлиять на таких ярких поэтов, как Жуковский, Батюшков, Вяземский и Пушкин⁸¹.

Первый период творческой деятельности писателя охватывает 1787-1788 гг., по мнению исследователя, в это время юный Карамзин находился под сильным влиянием московских масонов. Самым важным текстом рассматриваемого этапа становится стихотворение Карамзина «Поэзия»⁸². Основная мысль данного текста – утверждение пафоса божественного происхождения поэзии, что, по мнению Лотмана, прямо соотносится с литературными воззрениями масонов. Наряду с этим Лотман отмечает и резкое несогласие поэта с новиковским кружком, так, например, в этом же произведении чувствуется отрицательное отношение лирического героя ко всей предшествующей русской поэтической традиции, подобный взгляд прямо противоречит позиции новиковского окружения⁸³. «Поэзия» строится на перечислении важных для развития мировой литературы авторов, Карамзин отказывается включать в список имена русских стихотворцев. Однако нужно принять во внимание, что впоследствии этот текст писатель не ставит в начало «Московского журнала», а печатает его после стихотворений

---

⁸¹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 51.

⁸² Отрывок из этого стихотворения сначала был напечатан в «Детском чтении» (1789), полную его версию можно найти в «Московском журнале» (1792, Ч. 7, вып. 3). Сам Карамзин датирует текст 1787 годом. Такая датировка, по мнению Ю. М. Лотман, могла иметь «тактический» ход, основная цель которого – смягчить содержание стихотворения. Тем не менее, Ю. М. Лотман не может отвергнуть возможность написания столь раннего написания текста. Исследователь предполагает наличие двух редакций этого произведения, более раннее, датируемой 1787 годом, и более поздней, исправленной Карамзиным после возвращения из Европы (1789-1791); (Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 376-377.)

⁸³ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 25.

Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева. Вполне возможно, такое расположение призвано смягчить содержание произведения. Также мы согласны с мыслью Лотмана о том, что с этой же целью издатель приводит в «Московском журнале» более раннюю дату написания текста – 1787 год, указывая на то, что стихотворение было написано сравнительно давно.

Начало самостоятельного творчества Карамзина Лотман относит к концу 1789 года. На этом этапе формируются основные оригинальные черты его поэзии, которые, с одной стороны, находят своё выражение в установке на поэтическую простоту, а с другой стороны, в приближении стиха к прозе. Таким образом, в поэтике писателя исследователь усматривает крепкую взаимосвязь двух начал: поэтического и прозаического⁸⁴.

Стиховой «простоты» Карамзин добивался несколькими способами. Здесь Лотман прежде всего имеет в виду рифменное своеобразие стихотворных текстов писателя. По мнению исследователя, Карамзин любил «плохую» рифму, в результате чего, поэтом подчеркнута избиралась наиболее доступные и тривиальные её формы. Лотман объясняет этот шаг тем, что для Карамзина было характерно игнорирование оппозиции «высокого» и «низкого» в литературе: прибегая к этому, писатель пытался поставить своё творчество вне заранее выработанных нормативных систем и оценок⁸⁵.

По той же причине Лотман в поэзии Карамзина усматривает и нарочитую бедность образного уровня. По его замечанию, писатель избегал излишнюю «картинность» и метафоричность, мало в стихотворениях содержится и оригинальных поэтических эпитетов. Исследователь приходит к выводу, что основой своей лирики Карамзин признавал художественную простоту и «невыдуманность». Данный принцип затрагивает также тематический уровень текстов, так, например, в гражданской лирике у

---

⁸⁴ Там же. С. 27.

⁸⁵ Там же. С. 28-30.

Карамзина можно наблюдать отказ от традиционной формы этого жанра – оды⁸⁶.

После статьи Лотмана обращение исследователей к поэтическому творчеству Карамзина стало ещё более частым. Большое количество работ было написано как во второй половине 20 века, так в последние годы, что свидетельствует о непрекращающемся интересе учёных к этой теме. Литературоведами были разработаны общие вопросы карамзинской поэзии⁸⁷, ряд более частных проблем⁸⁸, особое внимание было уделено взаимосвязи поэзии Карамзина с творчеством других авторов⁸⁹ и с масонством⁹⁰. Как мы можем убедиться, стихотворения Карамзина в «Московском журнале» не изучались.

Теперь перейдем к непосредственному рассмотрению стихотворных произведений Карамзина. В «Московском журнале» мы располагаем девятнадцатью стихотворениями поэта, это не очень большая часть его поэтического наследия: в полном собрании стихотворений Карамзина можно найти более 160 текстов, самый первый из которых датируется 1787 годом, а

---

⁸⁶ Там же. С. 36.

⁸⁷ См.: 1) *Александрова И. Б.* «Высокая простота поэзии Н. М. Карамзина // Русская речь. М., 2003. №3. С. 3-10; 2) *Ефремова Е. В.* Стихотворное наследие Н. М. Карамзина. Проблемы поэтики и версификации: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1999; 3) *Кочеткова Н. Д.* Поэзия русского сентиментализма // История русской поэзии. Л., 1968. С. 163-187; 4) *Лалетина О. С.* Метрическое новаторство Н. М. Карамзина: к вопросу о роли сентиментализма в истории русского стиха // Известия российской академии наук. М., 2016. № 3. С. 40-50.

⁸⁸ См.: 1) *Алексеев М. П.* К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // XVIII век. Сб. 3. СПб, 1969. С. 179-190; 2) *Денз М.* «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792-1793 годов // XVIII век. Сб. 24. СПб, 2006. С. 281-295; 3) *Добженецкая К. В., Пастущенко Л. М.* Функция пейзажа в балладе Н. М. Карамзина «Раиса. Древняя баллада» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М., 2003. Т. 1. С. 129-132; 4) *Петрова З. М.* Поэзия Н. М. Карамзина. Функции и структура эпитета // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений 18-начала 19 в. СПб., 1994. С. 145-166.

⁸⁹ См.: 1) *Бройтман С. Н.* Субъектно-образная структура русской лирики конца 18 – начала 19 в.: Карамзин, Батюшков // Научные доклады высшей школы Филол. науки. М., 1989. № 2. С. 70-74; 2) *Кафанова О. Б.* Образ Наполеона в интерпретации Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина: классицизм или сентиментализм // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Казань, 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 101-107; 3) *Коропова М. А.* Карамзин и Жуковский: История лит. отношений: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003; 4) *Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Сб. 3. СПб, 1969. С. 162-179.

⁹⁰ См.: 1) *Ефремова Е. В.* Следы масонской символики в поэзии Карамзина // Голоса молодых ученых. М., 1998. Вып. 3. С. 5-40; 2) *Маслова А. Г.* Поэтическое творчество Н. М. Карамзина в контексте масонской поэзии 18 века // Вестник Костром. гос. ун-та. Кострома, 2012. Т. 18. № 4. С. 128-131.

последний – 1825-м. Таким образом, в «Московском журнале» опубликована лишь восьмая часть произведений писателя⁹¹.

Напомним, что всего в издании можно найти около 129 стихотворных текстов различных авторов, что касается Карамзина, то он занимает почетное третье место по количеству стихотворений, там опубликованных. Подобное распределение в целом очень нехарактерно для «Московского журнала», где, как мы уже говорили, большая часть текстов принадлежит Карамзину, но, как мы уже смогли убедиться, эта особенность касается только прозаических текстов, стихотворный же раздел издания своим авторским многообразием напоминает более поздние «толстые» журналы 19 века.

При обозначении своих стихотворений Карамзин исходит из общей установки журнала на анонимность. Часть своих поэтических текстов Карамзин подписывает заглавной буквой своей фамилии – «К», этой же буквой Карамзин снабжает свои многочисленные издательские комментарии в журнале, однако, достаточно часто его стихотворения вообще остаются без какой либо подписи – под прочерком. Одно из самых известных стихотворений Карамзина «К милости» писатель снабжает довольно необычным криптонимом «Ц. Ы.», сложно сказать, чем обусловлено такое решение, возможно, желанием на этот раз действительно скрыть автора текста от читателя. На проблему странных подписей своё внимание обращала Н. Д. Кочеткова, по замечанию исследовательницы, свои наиболее значимые произведения Карамзин любил оставлять под экзотическими инициалами. Так издатель поступил, например, с «Бедной Лизой» (криптоним «Ы»), «Натальей, боярской дочерью» («Ы. Ц. Ч.»)⁹².

Исходя из предпринятого нами разделения стихотворных текстов «Московского журнала» на определенные группы, попытаемся выделить и рассмотреть произведения Карамзина, которые условно можно обозначить как окказиональные. В окказиональных стихотворениях мы отнесём

---

⁹¹ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 420-423.

⁹² Кочеткова Н. Д. Два издания «Московского журнала» // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 179.

следующие тексты: «Мишеньке» (1971, Ч. 2, вып. 1), «Господину ***» (1971, Ч. 2, вып. 2), «Военная песнь» (1971, Ч. 2, вып. 3), «К богине здравия» (1971, Ч. 3, вып. 1), «Песнь мира» (1972, Ч. 5, вып. 1), «На разлуку с Б***» (1972, Ч. 6, вып. 1), «К милости» (1972, Ч. 6, вып. 2). Несложно заметить, что группа данных стихотворений как бы распадается на две: одни произведения имеют реального адресата, часто это отражено в их названии («Мишеньке», «Господину***», «На разлуку с Б***», «К милости»), остальные же носят более событийный характер («Военная песнь», «К богине здравия», «Песнь мира»). Адресат стихотворений Карамзина тоже разный, с одной стороны, это действующая императрица Екатерина Вторая, с другой, близкий круг поэта. Самое известное стихотворение Карамзина – «К милости»; поводом к написанию этого текста послужил арест Н. И. Новикова 27 апреля 1792 года⁹³. Писатель незамедлительно отреагировал на это событие, открыв майский выпуск своего издания вышеупомянутым произведением. Нужно отметить, что Карамзин очень редко ставил свои стихотворения в начало журнала, часто отдавая первое место текстам Державина, и тот факт, что именно оно становится лицом всего выпуска, свидетельствует о важности этого текста для Карамзина. Данное произведение адресовано Екатерине Второй, однако, поэт обращается к императрице не с восхвалением, а с поучением и просьбой быть милосердной к своим подданным, так как любовь и милость, по мысли Карамзина, является залогом самодержавия:

Там трон вовек не потрясется,

Где он любовью брежется

И где на троне – ты сидишь⁹⁴.

Ю. М. Лотман, анализируя данное стихотворение, подчеркивает смелость этого обращения Карамзина, публикация этого текста на страницах «Московского журнала» свидетельствует о верности поэта своим

---

⁹³ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 386.

⁹⁴ Московский журнал. 1792. Ч. 6. Вып. 2. С. 119.

нравственным идеалам⁹⁵. Более того, протестное настроение произведения говорит и о том, что «Московский журнал» в какой-то степени не был чужд политике, хотя её проявления в журнале сравнительно небольшие.

Другое стихотворение «Московского журнала» – «Господину***» (1788), Карамзин посвятил своему близкому другу И. И. Дмитриеву⁹⁶. В этом тексте писатель выражает восхищение талантами молодого поэта, называя его «новым бардом Невы», одновременно с этим в произведении явно прослеживается критическое отношение Карамзина к отечественной поэзии, что сразу отсылает нас к другому тексту «Московского журнала» – «Поэзия» (о нем мы уже упоминали в связи со статьей Ю. М. Лотмана). Сравним отрывки из этих произведений:

«Мало осталось бардов великих!» –

Так воспевая, вздохнул;

Слезы из сердца тихо катятся;

Лира упала из рук.

<...>

Я восхищаюсь! - В радости сердца

Громко взываю, пою:

«Древние барды дух свой влияли

В нового барда Невы!»⁹⁷.

(«Господину***»)

О Россы! Век грядет, в который и у вас

Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень!⁹⁸.

(«Поэзия»)

---

⁹⁵ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 20.

⁹⁶ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 378-379.

⁹⁷ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Вып. 2. С. 114.

⁹⁸ Московский журнал. 1792. Ч. 7. Вып.3. С. 274.

Несложно заметить, что первый текст носит более позитивный характер, так как «бард», о котором мечтает автор, все же находится, в последнем же автор лишь говорит о своём желании.

К своему близкому кругу Карамзин обращается и в двух других своих стихотворениях - «Мишеньке» и «На разлуку с Б***». Первый текст посвящен восьмилетнему М. С. Воронцову, которого Карамзин видел в доме его отца, русского посла в Лондоне⁹⁹, в нём поэт желает «любезному отроку» цвести и быть счастливым в жизни. Второй текст имеет менее веселое и лёгкое содержание: «На разлуку с Б***» было написано Карамзиным по поводу отъезда его близкого друга А. А. Петрова из Петербурга в 1791 г., когда тот уже был тяжело болен¹⁰⁰. Как мы можем убедиться, произведения о дружбе занимают значительное место в «Московском журнале», не случайно стихотворение Дмитриева на эту тему «Любовь и дружество» (1791, Ч. 3, вып. 3) издатель даже помещает в начало одного из выпусков журнала.

Другое стихотворение Карамзина - «К богине здравия» тоже содержит в своем названии адресата, однако, на этот раз поэт обращается не к реальному живому лицу, а к воображаемой сущности. Как известно, поводом к написанию данного текста послужила болезнь Карамзина в апреле 1791 года¹⁰¹. Поэт в этом произведении, описывая своё болезненное состояние, призывает на помощь богиню здравия, прося её спуститься с небес и снести ему «златый сосуд с целебным питием»¹⁰². Мотив болезни/выздоровления развивается и в другом стихотворении Карамзина «Выздоровление» (1789), тоже опубликованном в «Московском журнале». Два названных текста очень похожи: в «Выздоровлении», так же как и в предыдущем произведении, адресатом поэта становится некая высшая сущность, которую он именует

---

⁹⁹ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 381.

¹⁰⁰ Там же. С. 385.

¹⁰¹ Там же. С. 384.

¹⁰² Московский журнал. 1791. Вып. 1. С. 3.

«мать-природа». Сюжет развивается по схожим схемам: сначала автором рисуется описание болезни лирического героя, затем божественной помощи, и наконец, выздоровления:

Сумрачны дни мои были.

Каждая ночь

Медленным годом казалась

Бедному мне.

<...>

Томное сердце вздыхало

Ночью и днем. –

Тронули мать Природу

Вздохи мои.

<...>

Всё для меня обновилось;

Всем веселюсь:

Солнцем, зарею, звездами,

Ясной луной¹⁰³.

Следующие произведения Карамзина, о которых бы нам хотелось сказать, имеют военную тематику. Тексты, написанные на эту тему, в «Московском журнале» встречаются достаточно часто, сюда мы отнесем «Военную песнь» и «Песнь мира» Н. М. Карамзина, уже названные стихотворения, посвященные А. В. Суворову, Н. В. Репнину, «На мир с *оттоманскою портою*» И. И. Дмитриева и т. д. Наличие стихотворений подобного рода опять-таки свидетельствует о том, что «Московский журнал» не был чужд политике. Мы можем наглядно убедиться, что Карамзин, как издатель и поэт, быстро откликался на важные события того времени.

Стихотворение «Военная песнь» (1788) тоже одно из немногих произведений писателя, которым он решает открыть номер своего журнала. В примечании поэт добавляет, что произведение было сочинено им в начале

---

¹⁰³ Московский журнал. 1791. Ч. 1. Вып. 2. 146-148.

Шведской войны (1788-1790). Этот текст печатается Карамзиным лишь спустя три года, в июне 1791 года, но любопытно, что месяц печати стихотворения совпадает с месяцем начала боевых действий, можно даже предположить, что издатель таким образом пытается напомнить своему читателю о недавно произошедших событиях. Следующее «военное» стихотворение Карамзина - «Песнь мира», относится уже к другим историческим событиям, к русско-турецкой войне (1787-1791). Писатель опять помещает этот текст в начало «Московского журнала», желая привлечь внимание к произведению. Как видно из названия данного стихотворения, оно посвящено заключению мира между Россией и Турцией и выражает радость писателя по этому поводу. Отдельно стоит отметить быстроту Карамзина, так как «Песнь мира» была напечатана им уже в феврале 1792 года, а мир между двумя странами был заключен в январе этого же года. Продолжением темы стало стихотворение Дмитриева «На мир с *оттоманскою портою*», увидевшее свет в следующем мартовском выпуске «Московского журнала», оно, как и предыдущие произведения, находится на почетном первом месте, открывая издание Карамзина. Тема и восторженная интонация «Песни мира» и «На мир...» делает их очень созвучными друг другу:

Пойте, пойте духа радость!..
Лейте, лейте в сердце сладость!
Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви!
<...>
Вечно с нами, Мир прелестный,
Вечно с нами, сын небесный,
Вечно с нами обитай
И блаженством нас питай!¹⁰⁴

(«Песнь мира»)

---

¹⁰⁴ Московский журнал. 1792. Ч. 5. Вып. 2. С. 153-157

Во сне ли сладком я мечтаю,
Иль истину в восторге зрю?
Мир! Мир! – отсюда я внимаю: –
Хвала всемошному царю!
«Мир! Мир!» – гласят орудий громы
Колебля, потрясая дома;
«Мир!» – звуки возвещают лир;
«Мир!» – старец вопиет согбенный,
И к персям родшей преклоненный
Младенец повторяет: – «Мир!»¹⁰⁵

(«На мир с *оттоманскою портою*»)

Подобное начало выпусков еще раз подтверждает приоритет окказиональных стихотворных форм в журнале над другими. На рассмотренных примерах мы можем убедиться в том, что стихотворная подборка в «Московском журнале», помимо общей литературно-эстетической функции, имеет отчасти и информативно-новостной характер, выполняя своеобразную функцию «передовой».

Помимо окказиональных стихотворений, в поэтических текстах Карамзина можно выделить и группу «нейтральных» произведений. Сюда мы отнесем следующие стихотворения: «Филлиде», «К прекрасной» (1791, Ч. 3. вып. 2), «Песнь весёлых» (1791, Ч. 3. вып. 3), «Осень» (1791, Ч. 4. вып.1), «Раиса» (1791, Ч. 4. вып. 2), «Граф Гваринос» (1792, Ч. 6. вып. 3), «Могила» (1792, Ч.7, вып. 2), «Поэзия» (1792, Ч. 7 вып. 3), «Прости» (1792, Ч. 8. вып. 2).

Стихотворения «К прекрасной», «Раиса» и «Прости» - это любовная лирика, таких текстов в «Московском журнале» достаточно много, этот список можно дополнить также произведениями И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкова, Ф. П. Львова. На наш взгляд, самый оригинальный текст – это стихотворение «Раиса», необычно оно своим

---

¹⁰⁵ Там же. С. 293-295.

жанром – Карамзин назвал его «древней балладой». По сюжету произведения покинутая любимым молодая девушка кончает жизнь самоубийством, бросаясь с высокой скалы в море. Очень созвучно настроению этого стихотворения другой текст Карамзина - «Прости», его мы уже упоминали при анализе стихотворений последнего выпуска. «Прости», как и «Раиса», тоже о несчастной любви, однако лирический герой здесь не женщина, а мужчина: теперь он уже страдает от жестокости любимой:

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной, -
Моею забавлялась
Сердечною тоской!¹⁰⁶

Стихотворение «Осень» - типичное произведение пейзажной лирики, в «Московском журнале» оно опубликовано в октябрьском выпуске 1791 года. Подобные «сезонные» произведения в издании встречаются несколько раз, так, например, в майском выпуске этого же года можно увидеть стихотворение «Весна» неизвестного автора, такое же название имеет стихотворение Дмитриева, появившиеся в апрельском номере 1792 года. Текст «Осени» написан Карамзиным в Женеве в 1789 году, к этому же времени относится и другое стихотворение автора - «Выздоровление» (о нём мы уже упоминали выше). В первом произведении лирический герой говорит о смерти природы с приходом осени, однако, тут же даёт и позитивный прогноз – всё оживет с приходом весны:

Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Всё оживится,

Всё обновится весною;
С гордой улыбкой

---

¹⁰⁶ Московский журнал. 1792. Ч. 8. Вып. 2. С. 171.

Снова Природа восстанет

В брачной одежде¹⁰⁷.

Стихотворение «Выздоровление», таким образом, становится логическим продолжением «Осени».

Последнее стихотворение, о котором бы нам хотелось сказать, носит название «Граф Гваринос» – «древняя гишпанская историческая песня» (так определяет это произведение сам Карамзин). Название соответствует содержанию: в тексте рассказывается о героическом поступке французского рыцаря-христианина, попавшего в плен к маврам. Ю. М. Лотман, комментируя стихотворение, говорит, что этот старинный испанский романс был переведен Карамзиным в 1789 году с немецкого перевода Ф. Ю. Бертуха. Заслуга Карамзина, по мнению исследователя в том, что именно он освоил форму русской ритмической системы для передачи особенностей испанского романа, которую в дальнейшем использовал А. С. Пушкин¹⁰⁸. К литературной истории этого текста в одной из своих статей обращается М. П. Алексеев, по утверждению исследователя, карамзинский перевод был настолько популярен, что немецкий физик А. Эрман, путешествуя по Сибири, слышал от местных жителей Тобольска этот испанский романс, правда, не зная о переводе Карамзина, Эрман счёл его экзотической «народной песней»¹⁰⁹.

Стихотворений третьей и четвертой группы в поэтическом репертуаре Карамзина в «Московском журнале» мы найдём очень немного. К группе «развлекательных» текстов шутливо-иронического характера можно отнести разве что стихотворение басенного характера «Странные люди» (*Подражание Лихтверу*) (1792, Ч. 5, вып. 1). Лирический герой этого текста, описывая друзьям своё недавнее путешествие, рассказывает, что

---

¹⁰⁷ Московский журнал. 1791. Ч. 4. Вып. 1. С. 12.

¹⁰⁸ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 380.

¹⁰⁹ Алексеев М. П. К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // XVIII век. Сб. 3. СПб, 1969. С. 179-180.

больше всего его поразили «чуждый» и «страннейший» народ, который день и ночь «сидит сиднем». На вопрос своих друзей о том, не является ли обездвиженность этих людей результатом размышлений о «вечном» и «высоком», он отвечает, что их предположение не верно. Разгадка кроется в конце произведения:

«Так отчего ж они не пьют и не едят,

Молчат и целый день сидят,

Не видят, не внимают?

Что ж делают они?» – «Играют!!!»¹¹⁰.

Ю. М. Лотман увидел в этом произведении скрытый подтекст. По мнению исследователя, в тексте Карамзиным перечислены основные проблемы философии масонства, таким образом, стихотворение приобретает яркое ироническое и даже сатирическое направление¹¹¹, таких примеров в «Московском журнале» мы можем найти не так уж много.

К группе «малых» окказиональных форм тоже относится лишь одно стихотворное произведение Карамзина - «Эпитафии» (1792, Ч. 7, вып. 1), под этим названием писателем объединены четыре небольшие эпитафии, их нельзя рассматривать отдельно, так как все они представляют разные точки зрения на одну и ту же ситуацию. В заглавии автор пишет: «Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулетней дочери ее. Я предложил ей на выбор следующие пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе»¹¹². Несмотря на заведенное издателем правило помещать тексты подобного рода в конец стихотворной подборки журнала, свои «Эпитафии» он помещает в его середину, что свидетельствует о высокой оценке этого произведения Карамзиным.

Обращение к стихотворной составляющей творчества Карамзина периода издания «Московского журнала» еще раз показывает многогранность

---

¹¹⁰ Московский журнал. 1792. Ч. 5. Вып. 1. С. 15.

¹¹¹ Лотман Ю. М. Примечания // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 385-386.

¹¹² Московский журнал. 1792. Ч. 7. Вып. 1. С. 150.

и разнонаправленность таланта писателя. Поэтическое наследие Карамзина представляет довольно пёструю картину, явно прослеживается стремление писателя попробовать себя в разных жанрах и темах. На страницах журнала появляется любовная лирика, гражданская, философская, пейзажная, помимо привычных стихотворных форм в издании можно найти балладу, историческую песню, басню. Вместе с этим, любовь к эксперименту, желание предстать перед читателем в различных ампулах находит своё воплощение не только в стихах, но и во всём «Московском журнале». В начале работы мы уже обращались к мысли О. М. Гончаровой о синкретической природе литературно-художественной формы в творчестве Карамзина и, как нам кажется, это особенность затрагивает и его поэзию.

Заключение

В ходе проделанной работы нам удалось выявить значимость стихотворного раздела в структуре «Московского журнала» Карамзина. Издание строится путем совмещения двух культурных парадигм: европейской и русской, первая на страницах издания представлена переводами Карамзина и отчасти его «Письмами русского путешественника» (создается впечатление преобладания этой формы журнале); русское «слово» реализуется в названии самого журнала, а также в оригинальных произведениях отечественных авторов. Однако наиболее разнообразно русская литературная традиция выступила именно в стихотворном разделе: здесь мы найдем как произведения «классиков» (Г. Р. Державина, М. М. Хераскова), так и тексты молодого поколения литераторов. Важность поэтической части «Московского журнала» подчеркивается её местом в издании – стихотворения всегда открывают выпуск. Стихотворный раздел, таким образом, создаёт тот необходимый баланс, который позволяет функционировать двум литературным традициям в издании на равных правах.

Проведенное исследование также показало, что стихотворные тексты не были даны в «Московском журнале» в случайном, хаотичном порядке, можно говорить о том, что они были особым образом организованы писателем, концептуально оформлены. В частности, использование Карамзиным анонимных обозначений (криптонимов) в какой-то степени сглаживало возникающие стилистические перебои внутри стихотворного раздела.

Единство поэтической части издания создается благодаря ярко выраженной авторской индивидуальности, «издательское начало» проявляется в многочисленных и иногда весьма пространственных примечаниях Карамзина, и, конечно же, в самом расположении материалов издания.

Проанализировав корпус стихотворных текстов журнала и рассмотрев их взаиморасположение внутри отдельных стихотворных подборок, мы

пришли к выводу, что в их основе лежит явная тенденция к структурированности: в начале раздела встречаются наиболее важные для Карамзина стихотворения, все они имеют серьезное содержание, в большинстве случаев это окказиональные стихотворения, многие из них принадлежат Г. Р. Державину. После в журнале идут тексты менее серьезного характера, мы называем их «нейтральными» произведениями (сюда относится философская, любовная, пейзажная лирика без соотнесенности с реальными историческими лицами и событиями). Эта группа, как и окказиональные стихотворения, является довольно многочисленной по своему составу, тексты данного типа иногда открывают «Московский журнал». Третья группа стихотворных произведений имеет «легкомысленное» содержание, основную её массу составляют шутливо-иронические тексты И. И. Дмитриева: они никогда не открывают журнал, располагаясь преимущественно в середине раздела, в издании Карамзина они выполняют развлекательную функцию. Наконец, четвертая группа текстов – «малые» окказиональные формы (эпиграмма, эпитафия, надпись, мадригал), в журнале они самые малочисленные, и помещаются издателем в конец стихотворной подборки.

Конечно, обозначенная нами композиция в «Московском журнале» не всегда выполняется неукоснительно, однако всё же можно говорить об ориентации Карамзина на некую идеальную структуру, которая придает стихотворному разделу издания единый, целостный облик.

Список использованной литературы

Источники

1. Московский журнал: В 8 ч. – М.: Унив. тип. у В. Огорокова, 1791–1792.
2. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. – М.: Наука, 1955.
3. *Вяземский П.А.* Стихотворения Карамзина // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 253–262.
4. *Дмитриев И.И.* Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1967.
5. *Карамзин Н.М.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. – Л.: Художественная литература, 1984.
6. *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1966.

Научная литература

1. *Александрова И.Б.* «Высокая простота» поэзии Н.М. Карамзина // Русская речь. – М., 2003. – № 3. – С. 3–10.
2. *Алексеев М.П.* К литературной истории баллады «Граф Гваринос» // XVIII век. – СПб., 1969. – Сб. 3. – С. 179–180.
3. *Альхова А.В.* Театральные рецензии Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // Филологические этюды. – Саратов, 2013. – Вып. 16. Кн. 1. – С. 261–267.
4. *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 496–532.
5. *Берков П.Н., Макогоненко Г.П.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.; Л.: Худ. лит., 1964. – С. 21–30.
6. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Карамзин Н. М. // Русский биографический

- словарь: В 25 т. Т. 8 / А. А. Половцов. – СПб., 1896. – С. 500–514.
7. Булич Н.Н. Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. – Казань: Университетская типография, 1866.
8. Бройтман С.Н. Субъектно-образная структура русской лирики конца XVIII – начала XIX в: Карамзин, Батюшков // Научные доклады высшей школы Филологической науки. – М., 1989. – № 2. – С. 70–73.
9. Валуев В.С. О литературной критике Н. М. Карамзина. // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – М., 1990. – №5. – С. 20–26.
10. Гончарова О.М. Творческая деятельность Н. М. Карамзина 1790-х годов: дис... канд. филол. наук. – Л., 1986.
11. Громова Т.Ю. Литературно-критические концепции Н. М. Карамзина // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2009. – №4. – С. 150–153.
12. Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Карамзина // Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Труды Я. К. Грота: В 5 т. Т. 3. – СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1901. – С. 120–166.
13. Гуковский Г.А. Карамзин // История русской литературы: В 10 т. Т. 5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 55–105.
14. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 1999.
15. Денэ М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792–1793 годов // XVIII век. – СПб., 2006. – Сб. 24. – С. 281–295.
16. Добженецкая К.В., Пастущенко Л.М. Функции пейзажа в балладе Н. М. Карамзина «Раиса. Древняя баллада» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. – М., 2003. – Т. 1. – С. 129–132.
17. Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики: Жанры, композиция, стиль. – Л.: Советский писатель, 1980.
18. Ефремова Е.В. Стихотворное наследие Николая Михайловича Карамзина: проблемы поэтики и версификации: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1999.
19. Ефремова Е.В. Следы масонской символики в поэзии Карамзина // Голоса молодых ученых. – М., 1998. – Вып. 3. – С. 5–40.

20. *Западов А.В.* Русская журналистика XVIII в. – М.: Наука, 1964.
21. *Иванов П.И.* Н. М. Карамзин о К. Ф. Морице на страницах «Московского журнала» // Московский журнал. – М., 1995. – №8. – С. 2–5.
22. *Ионин Г.Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. – СПб., 1969. – Сб. 3. – С. 162–179.
23. *Кафанова О.Б.* Образ Наполеона в интерпретации Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина: классицизм или сентиментализм // Ученые записки Казанского ун-та. – Казань, 2015. – Т. 157. Кн. 2. – С. 101–107.
24. *Киртичников А.И.* Карамзин как литератор // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. Т. 27. – СПб., 1895. – С. 440–447.
25. *Коропова М.А.* Карамзин и Жуковский: История лит. отношений: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2003.
26. *Кочеткова Н.Д.* Поэзия русского сентиментализма // История русской поэзии. – Л.: Наука, 1968. – С. 163–187.
27. *Кочеткова Н.Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1980. – С. 726–764.
28. *Кочеткова Н.Д.* Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина // XVIII век. – СПб., 1995. – Сб. 19. – С. 162–182.
29. *Кочеткова Н.Д.* В. С. Подшивалов // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Вып. 2. – С. 450–455.
30. *Кочеткова Н.Д.* Н. М. Карамзин // Словарь русских писателей XVIII века. – СПб.: Наука, 1999. – Вып. 2. – С. 32–43.
31. *Кочеткова Н.Д.* Херасков в «Московском журнале» Карамзина // Русская литература. – СПб., 2006. – № 4. – С. 161–165.
32. *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII–XIX веков. – М.: Просвещение, 1972.
33. *Куляпин А.И.* Жанрово-стилевая природа критики Н. М. Карамзина // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1989. – Вып. 15. – С. 58–70.

34. *Лалетина О.С.* Метрическое новаторство Н. М. Карамзина: к вопросу о роли сентиментализма в истории русского стиха // Известия российской академии наук. – М., 2016. – № 3. – С. 40–50.
35. *Лотман Ю.М.* Поэзия Карамзина // Н. М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1966. – С. 5–55.
36. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М.: Молодая гвардия, 1998.
37. *Макогоненко Г. П.* Николай Карамзин – писатель, критик, историк // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Т 1. – Л.: Худ. лит., 1984. – С. 5–50.
38. *Марченко Н.А.* «Письма русского путешественника» в структуре «Московского журнала» Н. М. Карамзина // История литературы и художественное восприятие. – Тверь, 1991. – С. 94–101.
39. *Маслова А.Г.* Поэтическое творчество Н. М. Карамзина в контексте масонской поэзии XVIII века // Вестник Костромского государственного ун-та. – Кострома, 2012. – Т. 18. № 4. – С. 128–131.
40. *Мордовченко Н.И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Наука, 1959.
41. *Муравьев В.Б.* Николай Карамзин. – М.: Эксмо, 2005.
42. *Орлов П.А.* Литературная программа «Московского журнала» Карамзина // Научные доклады высшей школы. Сер. Филол. науки. – 1966. – № 2. – С. 136–146.
43. *Петрова З.М.* Поэзия Н. М. Карамзина. Функции и структура эпитета // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX в. – СПб., 1994. – С. 145–166.
44. *Пирожкова Т.Ф.* Н. М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
45. *Погодин М.П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: В 2 т. Т. 1. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1866.
46. *Ратникова О.Е.* Г. Р. Державин в первой части «Московского журнала» // Фундаментальные и прикладные исследования: новое слово в науке. – М., 2016. – С. 132–141.

47. *Розанов И.Н.* Русская лирика от поэзии безличной к исповеди сердца: историко-литературные очерки. – М.: Задуга, 1914.
48. *Соловьев Е.Н.* Карамзин: Его жизнь и учено– литературная деятельность. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1894.
49. *Чечулин Н.Д.* О стихотворениях Н. М. Карамзина. – Пг.: Тип. Гл. управления уделов, 1917.
50. *Эйхенбаум Б.М.* Карамзин // Сквозь литературу. – Л.: Academia, 1924. – С. 37–50.

Приложение

Перечень стихотворных произведений, опубликованных в «Московском журнале» Н. М. Карамзина

1791, Ч.1

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Время»	И. К.	М. М. Херасков
	«Видение мурзы»	***	Г. Р. Державин
	«Филлиде»	К.	Н. М. Карамзин
	«Истукан дружбы»	И.	И. И. Дмитриев
	«Червонец и полушка»	И.	И. И. Дмитриев
	«Эпитафия»	П.	А. А. Петров
Вып. №2	«Новый год, песнь дому, любящему науки и художества»	***	Г. Р. Державин
	«Выздоровление»	К.	Н. М. Карамзин
	«Счет поцелуев»	И.	И. И. Дмитриев
	«Осел и лира»	И. К.	М. М. Херасков (предположительно)
Вып. №3	«Ода на смерть Графини Румянцевой к Н.»	***	Г. Р. Державин
	«Письмо к Прелесте»	И.	И. И. Дмитриев
	«Я»	И.	И. И. Дмитриев
	«Эпиграммы» 1. «Поверю ль я тебе, Кощей...» 2. «Почто ты Мазона, мой друг, не прочитаешь?»	И.	И. И. Дмитриев

1791, Ч. 2

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Ода к Эвтерпе»	***	Г. Р. Державин
	«Надежда и Страх»	И.	И. И. Дмитриев
	«Мишеньке»	-	Н. М. Карамзин

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
	«Надпись к статуе Юпитера»	И.	И. И. Дмитриев
	«Стихи Его Сиятельству Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому... на взятие Измаила»	Павел Г. Кутузов	
	«Стихи об отъезде Его Сиятельства Графа Александра Васильевича Суворова — Рымнинского из Москвы в Санкт-Петербург 1791 года, Февраля 26 дня»	Д. Хвостов	
Вып. №2	«Весна»	Р.	?
	«Плач супруги»	-	И. И. Дмитриев
	«Господину***» <i>В ответ на полученную от него поэму</i>	-	Н. М. Карамзин
	«Стихи её Сиятельству Княжне Марье Алексеевне Голицыной, в день её именин»	Сообщены от неизвестной Особы	?
Вып. №3	«Военная песнь»	-	Н. М. Карамзин
	«К текущему столетию»	Ф.	?
	«На смерть попугая»	И.	И. И. Дмитриев
	«Надпись к портрету Князя Кантемира»	***	Г. Р. Державин
	«Перемена судьбы моей»	-	?

1791. Ч. 3

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«К богине здравия»	К.	Н. М. Карамзин
	«Стансы»	N.N. Сообщены из Петербурга	Ф. П. Львов
	«Быль»	И.	И. И. Дмитриев
	«Мысли оглохшего молодого человека»	В. П.	В. С. Подшивалов (предположительно)
	«Эпиграмма»	И.	И. И. Дмитриев

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №2	«Стихи из описания празднества, бывшего у Его Светлости Господина Генерал-Фельдмаршала и Великого Гетмана, Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии ЕЁ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и Их Императорских Высочеств, в С. Петербурге, в доме его близ конной гвардии, 1791 года, Апреля 28 дня»: 1. «На вступление ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА в большую залу» 2. «На танцы с хорами кадрили мужчин»	***	Г. Р. Державин
	«К прекрасной»	К.	Н. М. Карамзин
	«Прогулка в Царском Селе»	Из Петербурга от неизвестной Особы	Г. Р. Державин
	«Стихи госпоже Ан»	-въ. Сообщены от неизвестной Особы	?
	«Ответ её»	Ан.	?
	«Сонет»	Д. Б.	?
	«Надпись к портрету Ефрема-живописца»	И. Д.	И. И. Дмитриев
Вып. №3.	«Любовь и дружество»	И.	И. И. Дмитриев
	«Песня весёлых»	-	Н. М. Карамзин
	«Мадригалы»: 1. «Желание пастушки» 2. «К разуму»	М.	?

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Величество Божие»	***	Г. Р. Державин
	«Разговор прохожего с горлицей»	И.	И. И. Дмитриев
	«Осень»	-	Н. М. Карамзин
	«Надпись к портрету Господина...»	И.	И. И. Дмитриев
	«Эпитафия»	И.	И. И. Дмитриев
	«Памятник герою»	-	Г. Р. Державин
	«Ода Его Сиятельству Князю Николаю Васильевичу Репнину, на победу, одержанную им над Турецкими силами за Дунаем в 28 день июня, 1791 года»	Юрий Нелединской Мелецкой	Ю. А. Нелединский-Мелецкий
	«Орех и листок»	Князь Сергей Урусов	С. Ю. Урусов
	«Надгробная надпись Александра Великого»	К. Ч.	?
Вып. №2	«На рождение Петра Великого»	Из Петербурга от неизвестной Особы.	Г. Р. Державин
	«Раиса»	Ничего	Н. М. Карамзин
	«К лире»	И.	И. И. Дмитриев
	«К реке Талажне»	Сочинено в Селе Арпачеев Н. Н.	Ф. П. Львов
	«Эпиграмма»	И.	И. И. Дмитриев
	«К Климене»	И.	И. И. Дмитриев
Вып. №3	«Надпись к портрету её Величества»	Из Петербурга от Неизвестной особы	Г. Р. Державин
	«Письмо к Климене»	И.	И. И. Дмитриев

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Тщета» <i>к Г. П.</i>	Из К.	М. М. Херасков
	«Ниса» <i>Вольное подражание Итальянской песни из Метастазия</i>	Ю. Н. М.	Ю. А. Нелединский-Мелецкий
	«Подражание Проперцию»	И.	И. И. Дмитриев
	«Странные люди» <i>Подражание Лихтверу</i>	-	Н. М. Карамзин
Вып. №2	«Песнь мира»	-	Н. М. Карамзин
	«Молодая жена» <i>Сказка</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Прощание»	Из Петербурга от неизвестной особы	Г. Р. Державин
	«Пчела»	-	?
	«Молитва сына, разлученного с матерью»	-	?
	«Песнь» <i>На кончину Князя Потёмкина-Таврического</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«К честному человеку»	И.	И. И. Дмитриев
	«Ответ славе» <i>В Московском Журнале в Декабре месяцу 1791 года напечатана надпись к портрету ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, содержащая вопрос. - Вот стихи, из коих последняя строка есть другая надпись к тому же портрету, содержащая ответ на первую.</i>	Из Петербурга	?
Вып. №3	«На мир» <i>С Оттоманскою Портою</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Отставной вахмистр» <i>Баллада</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Песня Роскошного и Трезвого философа»	Из Петербурга	Г. Р. Державин

1792, Ч.6

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Отрывок» <i>Из описания празднества, бывшего у Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического</i>	***	Г. Р. Державин
	«На разлуку с Б***»	-	Н. М. Карамзин
	«О слабость»	И.	И. И. Дмитриев
Вып. №2	«К милости»	Ц. Ы.	Н. М. Карамзин
	«Весна»	И.	И. И. Дмитриев
	«Шарлота на Вертеровой гробнице» <i>Перевод с Французского</i>	С.	?
Вып. №3	«Сизый голубочек» <i>Песня</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Граф Гваринос» <i>Древняя Гишпанская историческая песня</i>	-	Н. М. Карамзин
	«К лире»	-	Ф. П. Львов
	«Гимн»	Д. До**ской.	?
	«Надгробная» Г. И. Г.	Л. Из Петербурга.	?

1792, Ч. 7

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Песнь» <i>на всерадостное рождение Ее Высочества Великой Княжны Ольги Павловны Июля 11 дня 1792 года.</i>	Из Софии от неизвестной особы	Г. Р. Державин
	« К приятностям» <i>На случай балов, бываемых в Колонадной Галлерее, в Царском селе</i>	Из П. Б. от неизвестной Особы	Г. Р. Державин

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
	«Эпитафии» <i>Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей, двухлетней дочери ее. Я предложил ей на выбор следующие пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе</i>	-	Н. М. Карамзин
	«Отъезд»	И.	И. И. Дмитриев
	«Песня» <i>подражание Французской</i>	V.	?
Вып. №2	«Ода» <i>К Н. А. Л.</i>	Из П. Б. от неизвестной особы	Г. Р. Державин
	«Могила»	-	Н. М. Карамзин
	«Бландузской ключ» <i>Из Горация</i>	Из Петербурга	?
	«К Пеночке»	N. N. Из Петербурга	Ф. П. Львов
	«Пчела, шмель и я»	И.	И. И. Дмитриев
	«Гимн восторгу»	И.	И. И. Дмитриев
	«Гимн»	Д. Дмит*ской	Д. И. Дмитриевский
Вып. №3	«Стихи» <i>Поднесенные Епископу Феофилу, когда он посетил Тамбовскую типографию</i>	Из Петербурга	Г. Р. Державин;
	«К портрету А. В. Б.»	Из Петербурга	Г. Р. Державин
	«Поэзия» <i>Сочинена в 1787 году.</i>	-	Н. М. Карамзин
	«Бабушкина песня»	И.	И. И. Дмитриев

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
	«Русская песня» <i>Сочиненная в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозвищем Швея-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце.</i>	Н. Н.	Н. П. Николаев

1792, Ч. 8

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
Вып. №1	«Песня»	Ю. Н. И.	Ю. А. Нелединский-Мелецкий
	«Картина» <i>Сказка</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Цветок»	Н. Н. Из Петербурга	?
	«Скоротечность жизни человеческой»	Б. (От неизвестной Особы)	?
	«Хижинка»	А. К. (От неиз. О.)	?
	«К Каллиопе»	Из Петербурга	Г. Р. Державин
Вып. №2	«Быль»	И.	И. И. Дмитриев
	«Разлука»	-въ	А. И. Дмитриев
	«К Темире»	-въ	А. И. Дмитриев
	«Прости»	-	Н. М. Карамзин
	«Тихий вечер»	Д. С.	?
	«Ласточка»	Из Петербурга	Г. Р. Державин
	«К Хлое»	И.	И. И. Дмитриев
	«Голубок» <i>Подражание Анакреону</i>	И.	И. И. Дмитриев

Журнал	Название стихотворения	Подпись в журнале	Автор
	«К младенцу» <i>Подражание</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Доброму человеку»	Н. Н. Из Петербурга	Ф. П. Львов
	«Ответ приятелю»		П. Е. Карabanов
	«Наслаждение»	И.	И. И. Дмитриев
	«Песня»	И.	И. И. Дмитриев
	«Пустынник и фортуна» <i>Сказка</i>	И.	И. И. Дмитриев
	«Песня»	Ю. Н. М.	Ю. А. Нелединский-Мелецкий
	«Ода на счастье» <i>Родным, друзьям и ближним</i>	Из Петербурга	В. В. Капнист
	«Вечер 31 декабря 1792 года»	А. М.	?